

Политологический репортаж

ЗАРИСОВКИ ИЗ РУССКОГО АДА

Ю.С. Пивоваров

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует размышления о прошлом, настоящем и будущем российской политики известного политолога и политического историка академика Юрия Сергеевича Пивоварова.

Ключевые слова: революция, право, демократия, Россия, Запад.

Хуже всего была безнадежность как норма жизни, как обыденность.

А. Михник

Стилистически эта работа состоит из ряда отрывков — маленьких эссе, заметок, воспоминаний. Все они навеяны тревогой и предощущением грозных событий. Надеюсь, что повышенная эмоциональность и местами — увьи! — пафосность не заслонят главную тему: «Что с нами будет?». Также не теряю надежды, что мозаичность текста не перечеркивает стремления автора к целостному видению.

I. «Из-под каких развалин говорю...»

Поставив в название первого раздела эту знаменитую ахматовскую строчку, подумал: а ведь для меня «развалины» не только политическая метафора, но и совершенно трагическая практика. Это и есть тот контекст, в который я помещаю свои беглые размышления о нашей действительности. Она стремительно меняется, и я не могу даже приблизительно ответить на вопрос: «Куда движется Россия?». Во всяком случае, как говорил Арнольд Тойнби: «History is again on the move». Я всегда ощущал себя поздним потомком русских «лишних людей». Временами мне казалось это внутренним пижонством. Но происходящее все-таки убеждает, что эта идентификация не столь уж не точна. И мне очень близко самоощущение Раймона Арона начала 30-х годов: «Я приехал в Германию, я был еврей, и знал это, но, если можно так сказать, осознавал это не вполне» [Арон 2002: 36]...

*Почему не получилось
(Памяти Юрия Нагибина)*

Этот умный наблюдатель и пониматель (если так можно сказать, но о Юрии Марковиче хочется) советской жизни записал в ноябре 1969 г. (хорошо помню это время и ощущение — одновременно — давящей тоски и поэтического, не в смысле стихосложения, порыва...): «Нет ничего страшнее передышек. Стоит хоть на день выйти из суеты работы и задуматься, как охватывает ужас и отчаяние. Странно, но в глубине души я всегда был уверен, что мы обязательно вернемся к своей блевотине. Даже в самые обнадеживающие времена я знал, что это мираж, обман, заблуждение и мы с рыданием припадем к гниющему трупу. Какая тоска, какая скука! И как все охотно стремятся к прежнему отупению, низости, немоте. Лишь очень немногие были душевно готовы к достойной жизни, жизни разума и сердца; у большинства не было на это сил. Даже слова позабылись, не то что чувства. Люди шугались даже призрака свободы, ее слабой тени. Сейчас им возвращена привычная милая ложь, вновь снят запрет с подлости, предательства; опять — никаких нравственных запретов, никакой ответственности — детский цинизм, языческая безвинность, неандертальская мораль» [Нагибин 1996: 258].

Точный диагноз. Но от этой точности — тошно. Через сорок шесть лет (почти полвека!) вновь все то же самое. А может, и похуже тех времен. Что-то не видно нынче активного правозащитного движения, сахаровых, солженицыных, буковских. Нет атмосферы Окуджавы — Галича — Высоцкого. Маргинализировалась переживавшая тогда подъем весьма широкая (в смысле и массовости, и палитры убеждений) гуманистическая интеллигентская культура. Церковь, зажата железным обручем официального атеизма и гэбэшного конвоя, хотели того сами церковники или нет, в ту пору ставшая для многих (прежде всего молодых) пристанищем другой (лучшей) действительности, пространством обретения новых смыслов и укреплением в противостоянии злу. Сегодня же...

Тогда, на рубеже 60–70-х и далее, вплоть до перестройки, наличный пессимизм уходящей жизни в значительной степени уравновешивался оптимизмом воображения и надежды. У многих в рамках той самой интеллигентской культуры были свои варианты лучшего будущего для Отечества (и в них верили). Вернуться в семью цивилизованных (читай: западных) народов, вновь пойти по органическому историческому пути (т. е. обратиться к дореволюционным порядкам), построить общество демократического социализма («с человеческим лицом») и т. д. И под каждый вариант будущего подводился солидный идейный и научный фундамент. Ныне же по прошествии почти 25 лет с момента краха СССР дискредитированы, провалились все **релевантные**, когда-то авторитетные концепции социального развития (либерально-правовые, социал-демократические, христианско-демократические, европейски-консервативные и т. п.). Как по другому поводу говорил Б. Пастернак: «Все накопленья и залоги / Изжеваны до одного. / Хватить бы соды от изжоги! / Так вот итог твой, мастерство?..».

Действительно, все «приличное», доказавшее свою адекватность и эффективность в других странах (в том числе и бывших «социалистических»), у нас девальвировалось намного сильнее, чем рубль. За них теперь не дадут «и даже ломаной гитары». В общем интеллектуальный и **психологический** климат хуже некуда. Разумеется, сохранились кучки доктринеров, долбящих свои «истины». Но это так, по инерции.

Что же сегодня? Полный вакуум, совсем нет идей, виденья будущего? — Да есть, конечно. Зайдите в любой книжный магазин (но не в маленькую лавку какого-нибудь академического института), включите телевизор, почитайте газеты, я уж не говорю об Интернете с его возможностями. И вы убедитесь: все в порядке. Книги, статьи, интервью, «круглые столы»,

заявления. В таком количестве! И все об одном! — Великий Сталин, «Братья и сестры»¹, великий сталинский СССР, предательство перестройки, заговор Запада против России, свой особый путь, православная вера, православная цивилизация, либерасты, «пятая колонна», новая опричнина, жидобандеровцы, третья мировая уже идет... В общем приехали. Мракобесие, ложь, клевета, ненависть, примитивизм...

Но **такой** образ прошлого, но **такое** понимание настоящего, но **такие** планы по обустройству будущей России положительно воспринимаются большой (если не большей) частью нашего населения. То есть опаснейшая по своим близким и дальним последствиям идеология (имеются, естественно, различные ее изводы, но суть, безусловно, одна на всех) находит отклик в сердцах и умах возлюбленных сограждан. Байка, согласно которой народ, большинство не ошибаются, по выражению блатных, не катит. Еще как ошибаются. Недавний XX в. лучшая иллюстрация этому. От этого, правда, не легче. — Как же так? Что произошло с моим народом? Откуда взялось такое количество разжигателей вражды и сторонников зла? Как могли современники забыть или позволить себе не знать обличающего и неотменимого (амнистии не будет и по давности лет) приговора А.И. Солженицына: «На всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназванный „советским“... ни по числу замученных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированности тоталитарности не может сравниться с ним никакой другой земной режим...» [Солженицын 1991: 21]. Или его же, горчайшее: «Кто помнит великий исход населения с Северного Кавказа в январе 1943 — и кто ему даст аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами — только бы не остаться у победивших *своих*, — обозы, обозы, обозы в лютую январскую стужу с ветрами» [Там же].

А вот же не хотят знать **этого**. А хотят вернуться в «мир опекунской кабалы, где бедность... справедливо распределена в обмен на повиновение» [Михник 2011: 291]. У меня нет ответа: **почему**. Подобно множеству исследователей говорю: у нас не было глубокой десталинизации, десоветизации, декоммунизации. Но дело, видимо, не только в этом. Мы, все те, кто мечтал о свободе — осознанно или не очень, — исходили из убеждения, что, когда «оковы тяжкие падут», наши люди, скажем выпендренно, выберут добро, реализуют задавленное режимом. Выбрали...

Правда, схожие процессы шли и в странах Центрально-Восточной Европы. А. Михник говорит: «Коммунизм был своего рода морозильной камерой. Многоцветный мир напряженностей и ценностей, эмоций и конфликтов был покрыт толстым слоем льда. Процесс «размораживания» происходил постепенно: сначала мы увидели красивые цветы, а потом грязь и отвратительную пену. Сначала был пафос мирного падения берлинской стены и «бархатной революции» в Чехословакии. Потом — волна ксенофобской ярости, охватившая Восточную Германию в 1992–1993 гг., распад Чехословакии в 1992 г., внезапный рост антиitureцких настроений в Болгарии, антивенгерских в Румынии и Словакии, антицыганских во многих странах...» [Там же: 265]. Вот именно, была разморожена морозильная камера.

Выходит, свободой воспользовались во зло. Выходит, свобода может стать для него новым шансом. Эх, открытие! Ведь предупреждали нас об этом и русские, и зарубежные мыслители. Ведь все мы помним революционно-радикальный и черносотенно-погромный подь-

¹ По поводу этого вспоминается: «В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 г. собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: „Братья и сестры!“... — один мужик черной бумажной глотке:

- А б...дь, а *вот* не хотел? — и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. И заготовали мужики» [Солженицын 1991: 20].

ем 1905–1907 гг., когда самодержавие пошло на уступки. А Февраль и его последствия! Но в обоих случаях нормальная часть общества сопротивлялась и далеко не безуспешно.

Почему же сейчас этого нет? Или почти нет?

***О Борисе Ельцине и о нас
(О его и нашей неудаче)***

В нашей стране господствует стойкое неприятие двух исторических личностей недавнего прошлого — Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Притом что в реальной политике они были антагонистами, вменяются им одни и те же «преступления»; развал империи — СССР и подрыв того, что нынешние их критики полагают некоей основой, сердцевиной, эссенцией русской жизни (и досоветской, и советской). Слава Богу, окончательно подорвать не удалось, а в последние годы мы даже переживаем ренессанс этих первородных стихий, говорят ревнители советского и «исконно» русского.

В таком историко-психологическом контексте у меня возник вопрос: а что я могу сказать о Борисе Николаевиче, уже завершившем свой жизненный путь? Что главное о нем должно знать? Разумеется, не его пьяные выходки, не его какую-то природную дикость, неокультуренность, не демагогические обещания, не его, видимо, полное непонимание экономических материй. Да, это и, наверное, другое было. И все же, кажется мне, не этим и не с этим Борис Ельцин вошел в Историю.

Ельцин — это псевдоним нашей попытки преодолеть коммунизм (наряду с Горбачевым). Его имя уже выбрано для обозначения важнейшего периода русской жизни. Далее. Он дважды спасал Родину. В 1991 и 1993 гг. При этом проявил несравнимое мужество и решительность, а также высшую степень ответственности. И оба раза не казнил путчистов. Простил их, дал им возможность вернуться к общественной деятельности. Это предотвратило «большую» кровь, поскольку стало единственно возможной тогда прививкой от гражданской войны. И не следует забывать: победы путчисты 91-го и 93-го гг., они свернули бы ему (и нам) шею.

Ельцин — это и псевдоним 90-х. Сегодня об этом времени говорят — «лихие». Неправда, не лихолетье было содержанием эпохи. Но — возможности и выбор, столь редкие в русской истории. Тема «возможностей и выбора» связана со «свободой», хотя последняя и шире, и глубже ее. Предполагает определенный уровень благосостояния, господство права и др. В 90-е, кто бы ни пришел к власти, это было недостижимо. Однако «возможности и выбор» открывали нам дорогу к свободе. Мы не сумели воспользоваться тем, что имели. И все же опыт тех лет не забыт. Нынешнее стояние за свободу имеет свои корни и там.

Но Ельцин — это и псевдоним неудачи выхода из тоталитаризма. На мой взгляд, сегодня главный русский вопрос — наша неудача. Нам не удалось решить основные проблемы этого (несостоявшегося) «транзита». Навскидку назову некоторые, далеко не все. — Декоммунизация, десоветизация. Запрет на распространение коммунистической идеологии. Глубокая реформа правоохранительных органов и спецслужб (гражданский контроль над ними и армией). Серьезные изменения в кадровом составе госслужбы. Законодательное ограничение вмешательства государства в деятельность средств массовой информации. Соблюдение Конституции, минимизация ее «монархических потенциалов», акцент на демократические, федералистские, «правозащитные» начала Основного закона с осторожной, постепенной подготовкой пересмотра сверхпрезидентализма, вписывание фигуры президента в систему разделения властей. Недопущение симбиоза Государства и Церкви. Преодоление (борьба) милитантности сознания российских граждан. Создание просветительски-образовательной системы (по типу западногерманской «Politische Bildung»), направленной на формирование

демократически-правового, антитоталитарного мышления. Отказ, насколько это возможно в специфических российских, постсоветских, условиях, от государственного капитализма (госмонополии, госкорпорации, верхушка власти в роли владельцев основных богатств страны, «сорохваты»-миллиардеры в качестве мальчиков на побегушках у власти; особое отношение к тем, кто имеет доступ к сырьевому комплексу и оборонке, включая торговлю оружием). Обязательная ориентация на создание социально ответственной рыночной экономики. Партнерская, союзническая по отношению к демократическим государствам внешняя политика с дальним прицелом на вхождение в систему евро-атлантической безопасности и кооперации. Тем самым (нескорое, конечно) превращение ее в евроазиатско-атлантическую.

Список нерешенных проблем можно продолжить. Я же говорил: «навскидку». — Однако дело не в этом. Каждый раз, когда называлась новая проблема, возникал вопрос: а кто ее будет решать? То есть речь идет о социальном субъекте, который иницирует нечто, а затем и приступает к реализации. Таких субъектов (субъекта) не нашлось. **Ельцинские** годы показали, до **какой** степени русское общество было раздавлено коммунистами. И хотя в хрущевско-брежневский период оно потихоньку начало восстанавливаться, ему еще было очень далеко до состояния «civil society».

Ну, тогда непонятно, кто же осуществлял перестройку? Один лишь Горбачев со товарищи? — Неубедительно. Роль реформистской верхушки КПСС громадна, но без широкой массовой опоры (поддержки) ничего бы не вышло. Тем более в Великую Преображенскую революцию августа 1991 г. и Великую антисоветскую октября 1993 г. (при всей значимости Ельцина и его соратников). Действительно, еще в самые густые советские 70-е стало ясно, что в СССР сформировался массовый слой людей достаточно образованных, информированных, с определенным уровнем потребления и еще бóльшим запросом на него. А. Амальрик (один из тех, кто диагностировал появление этих людей) в своем эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года» [Амальрик 2005: 381–394] писал о слое специалистов, который со временем захочет для себя более свободных социальных условий.

Действительно, если в 1917 г. доля горожан в структуре населения России составляла 17,9 % (на самом деле и того меньше; к горожанам относили тех, кто временно жил в городе, а городами числили фактически полусельские поселения), то в 1989 г. в СССР — 66 % (в РСФСР — 74 %; для примера, в США — 72 %). Доля работников умственного труда в 1987 г. равнялась 28 % (в 1940 г. — 15 %). Законченное высшее образование в том же году было у почти 21 млн человек (90 на 1000; в 1939 г. — 1,2 млн, 8 на 1000). Напомним, что в 1989 г. в СССР проживали 286,7 млн человек. Следовательно, если исключить из этой цифры детей, то более 10 % советских людей имели высшее образование. К этому следует добавить 3,5 млн с незаконченным высшим и почти 31 млн со средним специальным. То есть около 55 млн человек (примерно 1/4 всего населения) можно отнести к типу современного человека. — И еще одно: в 1987 г. 1,5 млн человек имели ученые степени (в 1960 г. — ≈ 340 тыс.).

Этот слой, «средний советский класс», и был «материальной» основой перестройки и исторических событий начала 90-х. Этим людям было тесно в СССР. Кстати, по всем социологическим опросам нулевых и самого начала 10-х примерно такая же (15–20 %) доля российских граждан хотела бы жить в европейском (по типу) обществе. Свобода, право, конкуренция, социальная защищенность и т. д. — вот главные параметры такого социума.

Тогда почему эта достаточно многочисленная и общественно «продвинутая» страта оказалась не в состоянии стать историческим субъектом выхода страны из коммунистического тоталитаризма? С опорой на них, выражая их интересы, удалось разбить тюремные оковы, но не получилось всерьез двинуться к нормальной системе политики и экономики. Негативная программа была выполнена (правда, далеко не до конца, но все же...), а на позитивную сил не хватило. Почему?

Когда-то А.И. Солженицын ввел в русский политический лексикон слово «образованцы». Оно имело негативную коннотацию. Так он назвал своих идейных оппонентов либерально-плюралистических воззрений (статья «Наши плюралисты»). Думаю, что в целом в этой полемике Александр Исаевич был неправ (что не отменяет восхищения и благодарности ему). Но все это дела давно минувших дней (хотя, как сказать...). Мы же попробуем использовать этот термин (разумеется, без его обижающего смысла) в наших целях.

Так вот, страата продвинутых и современных советских людей состояла (в подавляющем числе) из **образованцев**. — Кто это? Что за люди? Когда-то я писал о рождении в середине XX в. (особенно в 50–70-е; в 80-е уже зрелый и даже отчасти «перезревший продукт») массового современного человека. Это индивид эпохи городской Современности (Modernity). Но — советской. Он не знал религиозного воспитания, был обязан к «исповеданию» низкокачественной и злобно-воинствующей идеологии (грубой смеси наивного натурализма-материализма, элементов поверхностного гуманизма, провинциального социал-дарвинизма и фальшиво-оптимистического, низкопробного исторического телеологизма). Он ничего не слышал об основах предпринимательства: не в смысле вора-«сорохвата», какими некоторые из этих людей явились в последние два с половиной десятилетия, но в духе, скажем, «протестантской этики». Он практически не имел никаких связей с Россией дореволюционной, исторической. С Россией, созидавшей гражданское общество и правовое государство (это — не штампы, это — то главное, что мы должны знать об отечестве XIX — начала XX в.). Он был оторван от мейнстрима мировой культуры и социальной эволюции.

...По всему этому **такой** человек оказался не в состоянии решать **положительные политические** задачи. Еще в конце 60-х это предвидел Мераб Мамардашвили: «Отсутствие исторического накопления личностного развития как причина... невозможности политики» [Мамардашвили 1996: 161¹. — Как причина невозможности политики, которая есть поле конкуренции и сотрудничества юридически равных субъектов в рамках права.

Из «вакуума» в «ничто»? (Почему Россия не Польша)

Ну, хорошо (на самом деле — плохо), нам не удалось (надеюсь, пока) вырваться из тоталитаризма, пройти точку невозврата. А вот у наших бывших солагерников («социалистический лагерь») вроде бы, худо-бедно, получилось. Знаю: на эту тему написано горы профессиональной литературы. И, наверное, не стоило бы ломиться в открытую дверь. Однако для нас сейчас это вопрос высшей важности: почему не сумели? И поэтому хочу напомнить некоторые особенности транзита в Польше. Для русских это не просто страна, другая, соседская или какая-то еще. Польша — часть нашей судьбы, истории, настоящего.

Адам Михник, «антисоветский русофил» (как он сам себя определяет), один из ключевых участников и свидетелей всех этих «польских дел», говорит: история знает два способа (или пути) выхода из тоталитаризма — немецкий и испанский (по которому и пошло большинство транзитеров). Понятно: немецкий путь Польше был заказан. Тогда — испанский. Эволюция от диктатуры к демократии через компромисс и национальное примирение.

Профессор-правовед Альваро Хиль-Роблес, принявший активное участие в пост-франкистском транзите, позднее ставший уполномоченным по правам человека, писал: «Мы выбрали... путь мирного перехода, а не резкого разрыва со старой системой... Мы решили, что, даже если нам это и не нравится, нам придется сесть за стол переговоров с франкистами, с военными, чтобы найти приемлемое для страны решение... избежать разрыва и противостояния. Мы не собирались никого призывать к ответу, хотя не следует забывать, что многие из

тех, кто сел за стол переговоров, либо прошли через тюремное заключение, либо побывали в изгнании» [Хиль-Роблес 1995: 149].

В польском случае это выглядело так. В качестве площадки для диалога коммунистов и анти (не) коммунистов был создан «круглый стол». Основными игроками на этом столе являлись, с одной стороны, Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) и ее к тому времени немногочисленные, некоммунистические союзники, с другой — Католическая церковь и профсоюз «Солидарность», в который вошла сеть антикоммунистических комитетов КОС–КОР (в основном представители интеллигенции). Три последние (антипорповские) организации находились в весьма сложных взаимоотношениях (в результате — худо-бедно, но в решающий момент договорились).

Итак, в Польше конца 80-х имелись: а) коммунистическая власть, которая была вынуждена лавировать (может, точнее, — вертеться) между собственным обществом и Москвой; б) церковь, которая, помимо прочего, была хранительницей традиционного польского духа и социально-духовным пространством, независимым от ПОРП. Избрание Кароля Войтыла Римским папой — Иоанн Павел II — усилило и общественные позиции церкви и, так сказать, актуализировало ее влияние. Вместе с тем это событие играло на руку всем некоммунистическим силам; в) «Солидарность» — мощный всепольский профсоюз, альянс рабочего класса и некоммунистической интеллигенции (как католической, так и светской); г) КОС–КОР — комитеты польской антикоммунистической интеллигенции, включавшие в себя немало людей, имевших опыт подпольной борьбы, тюрем, даже эмиграции. В 80-е годы КОС–КОР действовал вместе с «Солидарностью» и, как отмечалось, стал его частью.

Ко всему этому следует добавить, что польское крестьянство (весьма многочисленное, это вообще одна из самых «крестьянских» стран Европы), к счастью, не пережило тотальной и кроваво-насильственной коллективизации, как это случилось у нас. В коллективные хозяйства попало 13 % от их общего числа, остальным было позволено сохранить свое частничество (частную собственность). То есть хотя по традиционному укладу сельской жизни и был нанесен удар, но далеко не сокрушительный.

Удаче польского транзита способствовало и то, что в послевоенный период, вплоть до конца 80-х годов, на Западе (Франция, Великобритания, США) существовала (и периодически пополнялась) активная польская эмиграция. Да и режим выезда за границу был относительно либеральным. Можно было, как это сделал А. Михник, после окончания школы несколько месяцев провести в Париже или позже между посадками в тюрьму выезжать в Европу. Это как если бы у нас инакомыслящие 60–80-х отправились за советом к П. Струве, Г. Федотову, М. Вишняку и т. д. «Мы» не совпали ни во времени, ни в пространстве.

Наряду с этим в правящих кругах США и некоторых других стран имелись влиятельные пропольские лоббисты (и других восточных европейцев тоже). С давних пор Польша (и не только она) находилась под известной опекой «старших» евро-атлантических держав. Впоследствии «младших» включают в ЕС и НАТО. Тем самым исход транзита был предрешен.

И еще одно важное обстоятельство. Отказ от коммунистической системы был одновременно национальным освобождением от владычества Москвы. Это и само по себе способствовало поднятию градуса борьбы и было, пусть ненадолго, платформой для объединения разнородных сил. В 90-е и позже не столь актуальный уже антикоммунизм был заменен традиционным для поляков антирусским комплексом (я пишу это с тяжелым сердцем, поскольку люблю Польшу, но все-таки закрывать глаза на это было бы нечестно). То есть антиросийские настроения сплачивают польское общество и, если можно так сказать, ориентируют его на скорейшее возвращение в Европу.

Называя ряд положительных факторов, способствовавших успешному (в целом) переходу к демократии, необходимо сказать о «центрально-европейской идее». В 1997 г. А. Мих-

ник писал: «Несколько десятилетий назад писатели, художники и философы придумали Центральную Европу, как царство духа свободы, неоднородности и толерантности» [Михник 2011: 264]. Они «прочли заново и представили миру духовное богатство этого региона, находящегося на стыке народов, религий и культур, — как воплощение в жизнь идеала многокультурного общества, как миниатюрную модель Европы, созданную по принципу: максимум неоднородности на минимуме пространства» [Там же]. Конечно, описывая феномен Центральной Европы, автор берет несколько через край. Но все-таки это идея, идеал, идеализация, а не фотография или научный анализ. Вчитываясь в эти строки А. Михника, начинаешь понимать: действительно у Польши (и в разной степени у других бывших наших сателлитов Старого континента) имелись гораздо более веские основания для успеха демократического транзита (хочу подчеркнуть: этот термин я использую в несколько ином смысле, чем классические транзитологи).

«Преимуществом малых народов было отсутствие имперских черт, что превращало их в естественного союзника свободы и терпимости. Этот исторический опыт — десятилетия и столетия существования в условиях угнетения и репрессий — создавал специфическую духовность, характеризующуюся достоинством и самоиронией, упорным стремлением сохранить духовные ценности и смелостью веры в романтические идеалы. Здесь национальное и гражданское сознание складывалось в результате межчеловеческих уз и отношений, а не по приказу государственных институтов. Здесь легче было сформулировать идею гражданского общества, поскольку суверенное национальное государство оставалось обычно в сфере мечтаний. Культурная неоднородность этого региона... представляла собой самое лучшее оружие самозащиты против претензий этнических или идеологических держав» [Там же: 264–265].

Далее А. Михник рассказывает о тех трудностях, с которыми столкнулась концепция Центральной Европы в 90-е годы, после падения коммунизма. Но как бы там ни было, наряду с общеевропейской и евро-атлантической идентичностями в конце XX в. Польша обрела еще одну (крайне важную и перспективную) — центральноевропейскую. **Им было куда идти.** В отличие от нас. Когда-то, четверть столетия назад, замечательный мыслитель и ученый А.Б. Зубов назвал одну из своих статей так — «Советский Союз: Из империи в ничто?» [Зубов 1992: 56–74]. В известном отношении оказалось «в ничто». Не менее адекватно было осторожное наблюдение тех же примерно лет знаменитого Эрнста Геллнера: «Мы можем теперь изучать Россию, чтобы понять, как гражданское общество может возникнуть из вакуума (если оно может из него возникнуть)» [Геллнер 1995: 148]. Так что из «вакуума» в «ничто». Конечно, это слишком суровый и прямолинейный приговор. Наличная жизнь гораздо сложнее и не абсолютно бесперспективна. Но как тенденция это так.

* * *

Правда, в начале 10-х годов у меня была надежда на то, что в России возможна широкая, структурированная, конструктивная демократическая оппозиция. Ведь сумели же мы в конце 80-х – начале 90-х — худо-бедно — сделать это (да, не очень структурированно, не всегда конструктивно, но...). И разве не свидетельствовали об этой возможности социологические опросы. До 20 % населения хотели бы жить в правовом государстве, свободном, конкурентном обществе. И это не менее 30 млн взрослых людей (в основном жители больших и средних городов). С количественной точки зрения все в порядке.

Но не получилось. Не оказалось готового к преобразованиям и борьбе за них исторического субъекта (мы уже говорили об этом). Что же нам остается? — Ну, прежде всего, осознать: **что** происходит. Судя по всему, нас ждет довольно длительное существование в условиях радикальной несвободы и подавления инакомыслия. В большинстве своем граждане

России приветствуют (с той или иной степенью вовлеченности и энтузиазма) установление подобного порядка.

Можно, конечно, списать все на губительную советскую систему, на грабительские 90-е, на падение цен на нефть, подкосившее наше историческое здание... Однако посмотрим на наличное (невывышенное, не-чаемое) общество. Газета «Ведомости» (28 мая 2015 г.) публикует данные: живущие на зарплату, пенсии, госпособия — 66,3 % населения; бизнесмены, люди свободных процессий, отходники — 15,2; лишенные свободы, судимые, бомжи — 13,4; представители власти — 5,1 %. За последние 20 лет каждый восьмой мужчина прошел через заключение, знаком с криминальной субкультурой каждый четвертый мужчина.

Да, структура современного русского общества «впечатляет». И, наверное, объясняет, почему не получается. Конечно, социологи и историки назовут причины становления подобной «конфигурации». Но мы же не только это хотим и должны знать. Ведь главный наш вопрос: **как** выздороветь? И возможно ли **это**?

Три этюда о праве *Право как инструмент возрождения тоталитаризма*

Что обязательно предполагает право в классическом (европейском) его смысле? — Носителя права, субъекта права, правообладателя². При отсутствии такого оно становится орудием (дубиной) власти. В России середины 10-х годов XXI в. стало очевидным: право (повторю, классическое) невозможно во властечетричной культуре, только — в антропоцентричной.

Когда-то В.О. Ключевский сказал о Петре I: «Узаконил отсутствие закона» [Ключевский 1993: 61]. Сегодня у нас узаконено отсутствие права (нет его носителей), бесправие. Все знают марксистский постулат: право — воля господствующего класса, возведенная в закон. Это полностью применимо к России начала XXI столетия.

Мы уже на своей шкуре убедились: право и диктатура совместимы. Этот вывод не очень впечатляет своей новизной? Что ж, зато он весьма ощутим. О чем говорит опыт России последних 15 лет? — Если процесс детотализации не доведен до определенной черты, до точки невозвращения, когда уже реставрация невозможна, то начинают возрождаться сохранившиеся потенциалы тоталитарного. Конечно, это не повтор прошлого, даже не новодел а ля зовьетик. Эссенция тоталитарного стремится вылиться в какие-то иные формы, обретает новые качества и свой собственный алгоритм роста. И что очень важно: они обладают способностью «тотализировать» новые явления, институты, процедуры. Те, что возникли в ходе постсоветского развития, в целом либеральные по своей природе.

Хорошо известна точка зрения крайне правых и крайне левых идеологов: либерализм является питательной средой фашизма (шире — тоталитаризма), порождает его (не стоит удивляться схожести позиций антагонистов; вспомните Иосифа Виссарионовича: пойдешь налево, придешь направо; или — наоборот, точно не помню). Мне всегда был отвратителен этот вывод; он казался оскорбительным для высокой либеральной мечты и порядка. Сегодня я думаю так же. Но... опыт жизни в постсоветском обществе открыл мне следующее: там, где либеральное есть лишь фрагмент, набросок, «не-мейнстрим», оно может быть переработано в тоталитарное.

В каком-то, очень определенном, смысле либеральное 1990-х – начала 2000-х годов можно сравнить с НЭПом 1920-х. Последний был конвертирован в сталинизм. А его истори-

²Немецкий юрист и политический мыслитель Карл Шмитт говорил: «Государственный закон до тех пор остается правом, покуда действительностью является ни от кого не зависящая единичность индивида» [Schmitt 1991: 213].

ческая роль свелась к частичному реанимированию страны после революций и войн, т. е. подготовке к тоталитарной переделке. Октябрь 17-го, помимо прочего, уничтожил новое, гражданское, то, что шло на смену традиционалистскому. Как становится очевидным сегодня, революция конца 80-х – начала 90-х смела *новое советское* (интеллигенция, наука, инкомыслие etc.), которое вроде бы победило, но в конечном счете было растерто в жерновах 90-х. Они перемололи не номенклатуру, КГБ, чиновничество, милитаризм и т. д., но это самое новое советское.

Старое советское, воспользовавшись невиданными в СССР возможностями и свободами, уничтожило *новое советское*. В Союзе этого быть не могло. «Застой» был формулой равновесия старого и нового. Так сказать, исторический компромисс. Следует подчеркнуть: новое по преимуществу было «гуманитарией», не имело организационных навыков и умения открытого противостояния. Поэтому оно и стало жертвой опытного хищника. Постсоветский либерализм был той пищей, пожрав которую начал возрождение русский тоталитаризм. Причем использовал главный либеральный инструментальный — право.

Об опасности права. Право как произвол

Правозащитники внесли в русское сознание и культуру идею права как фундаментальной, а не инструментальной ценности и тему прав человека (впервые я услышал это от Сергея Лёзова где-то в 1985 г.). Реализация этого была одной из целей перестройки и первых лет существования Российской Федерации. Но через четверть века оказалось, что законы и юридические механизмы используются не для обеспечения прав человека, но — напротив, для лишения его таковых. Казалось, общество устремилось к свободе, правовому порядку, безопасности на основе права, а въехало в «безурядицу» (В.О. Ключевский о Смуте) полицейско-юридического насилия и бессилия человека перед этой машиной.

Однажды в русской истории мы уже наступали на похожие грабли. Свободное развитие каждого — условие для свободного развития всех. Хорошо, точно, радостно. Даже трудно поверить, что это сказал вечно раздраженный, неудовлетворенный, заносчивый человек. И скучный. А эти слова действительно веселые. — Но оказалось, что его европейские, азиатские, латиноамериканские и т. д. ученики, отталкиваясь от этой максимы, соорудили в своих (и чужих) странах такие пыточные камеры, что...

В чем же дело? Марксизм начинался как гуманистическая утопия идеального будущего. Когда отцы-основатели закончили свой земной путь, их учение уже не было никакой таковой утопией. А было: сложным сочетанием инструкции по безжалостному уничтожению личного мира (разумеется, несправедливого, но разве бывает иной?), глубокого анализа социально-экономического устройства Европы второй половины XIX в. и атеистически-религиозного проекта «конца истории», которое навязывалось средне- и малокультурному большинству в качестве нового и единственного варианта спасения (в квазисотерологическом смысле). Почему марксизм победил? В России, Китае, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа, на Кубе и т. д. потому, что был удобным, эффективным, адаптивным (к совершенно разным национальным традициям) и беспощадным орудием и оружием для реализации *безответственных* планов по устройению лучшего мира. Марксизм является самым убийственным примером интеллектуально-психологического *безответствия*.

Правда, существует и другой марксизм — Каутского, Бернштейна, Жореса, социал-демократов и социалистов. Но они марксисты лишь в том смысле, что озабочены «судьбой человека» в его социально-справедливом измерении. Они использовали марксизм, присваивая себе некоторую его тематику, социальную критику и интенцию справедливости. Это — «европейский марксизм». Он так же отличается от евразийско-азиатско-латиноамериканско-

го, как умеренно-влажный морской климат от резко континентального. Замечу: в том, что я говорю, нет ни грана климатического расизма (ведь и сам выходец из «резко континентальных»). К тому же климат в моем контексте — категория не природного мира, но — нравственного, т. е. выбор, решение, ответственность. (И хотя это уводит в сторону, не могу удержаться: формационные и цивилизационные концепции при всем их величии и блеске растаяли или замерзли (кому что ближе) как раз в марксистскую эпоху. Время безответственности.)

* * *

С марксизмом мы ушли в сторону от правовых материй. Но, повторю, мне кажется в чем-то сущностно схожим наше обращение с правом и этим научно-идеологическим феноменом. Однако Генеральная прокуратура России вернула меня к разговору о юридическом. Относительно недавно ее официальный документ зафиксировал: решение о передаче Крыма в состав УССР было принято президиумами Верховных советов РСФСР и СССР с нарушением Конституции РСФСР и СССР. Получается, что Генпрокуратура РФ хочет переписать историю. Это еще один пример того, как в неправовом по своему характеру обществе право можно использовать в качестве дубины.

Если еще вчера правящие круги России боролись с фальсификацией истории, т. е. с неверным или лживым, с их точки зрения, ее пониманием, то теперь они начали ее исправлять. Это примерно так же, как человек в свои зрелые годы, осознав какое-то свое действие в прошлом неправильным, объявляет его небывшим.

Ведь что сделала Генпрокуратура? Она объявила ошибочным действие кремлевской верхушки в 1954 г. Тем самым юридически вернула Крым в состояние до 1954 г., а все то, что было с Крымом после 1954 г., назначила считать небывшим. В том числе и Конституцию УССР 1978 г., согласно которой Крымская область являлась составной частью Украины.

То, что решение Генпрокуратуры с правовой точки зрения — нерелевантно, можно не обсуждать. Современная Украина — и это признано международным правом — полагает себя правопреемницей УССР. И на этом основании, а не вследствие решения Хрущева, рассматривает Крым своей составной частью.

В целом же решение Генпрокуратуры создает не просто опасный, но убийственно опасный прецедент. Пофантазируем. Генпрокуратура объявляет юридически несостоятельным и фактически недействующим решение Верховного Совета СССР о включении в состав РСФСР Карело-Финской ССР на правах автономной Карельской Советской Социалистической Республики (напомним: в 1940–1956 гг. Карело-Финская Республика имела уровень союзной). В этом случае Карельской автономии возвращают права союзной республики. А поскольку из состава СССР вышли все союзные республики, то Карело-Финская обретает независимость и госсuverенитет. То же самое можно сказать о Республике Тыва, которая в 1944 г. вступила в состав СССР, и т. д.

Генпрокуратура (читай: Кремль) хочет контролировать и переделывать не только российское общество, но и отечественную и мировую историю. В современной практике есть два типа сил: жесткая и мягкая, *hard* и *soft powers*. Россия, видимо, изобрела третью — юридическую, которой подвластно все — даже история.

Естественное право и идеология

Великий правовед (и по совместительству один из основателей французской политической науки) Леон Дюги говорил, что история знает два мифа, легитимирующих социальные порядки и власть, — сакральный и демократический (он же — либеральный, правовой). Вто-

рой приходит на смену первому. При этом речь идет не только о легитимации, но и о регулировании функционирования общества. Принципиально отличаясь друг от друга, оба мифа содержат важнейшее общее: признание равенства людей в главном. В рамках религиозного — перед Богом, в рамках правового (либерального, демократического) — перед правом. Это равенство (ключевое для культуры) обеспечивается естественным правом, которое, заметим, имеет сегодня два главных извода — религиозное и «посюстороннее».

Повторим: признание равенства людей в главном. В «неглавном» равенство в обоих случаях не предполагается. Поскольку иерархичность, плюральность, социальные различия суть имманентные для каждого общества состояния. Но не они являются предельными характеристиками человека³.

XX век принес иной миф, появился иной регулятор. Это не значит, что окончательно ушло сакральное; что же касается правового, то оно, напротив, резко усилилось. Просто появилось нечто третье. **Идеология.** Речь здесь идет не о консервативной, либеральной, социально-демократической; они вполне вписываются в правовую парадигму. Имеются в виду — коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая (расставлены согласно временному ранжиру). Разумеется, эти идеологии во многом различны и даже антагонистичны. Но в двух пунктах идентичны. Оправдание насилия, борьбы и утверждение неравенства в главном (да, да, это относится и к коммунистическому мифу).

Все три идеологии (фашистская в меньшей степени) построены на классовой борьбе, борьбе рас, наций и т. д. И здесь большой роли не играет то, что коммунизм ставил своей конечной целью полное равенство во всем, а фашизм — построение солидаристского общества на базе корпоративного мира и сотрудничества. По дороге к этим целям и предполагалась, и осуществлялась политика насилия, направленная против абсолютного большинства граждан. Это-то и есть главное. Религиозное (сакральное) говорило: помиримся через любовь к Богу и друг к другу и во имя этой любви. Правовое (либеральное, демократическое): помиримся через договор и во имя мира (чтобы не было свары). Идеологическое: кто не с нами, тот против нас, кто не «мы», тот не имеет права на существование.

Суть идеологического точно выразил Карл Шмитт, крупнейший правовед и политический мыслитель XX столетия. Одновременно — «коронный юрист» Третьего рейха, теоретик тоталитарного нацистского режима, апологет антисемитизма. Ему принадлежит такая максима: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто — ты». И «поправляя» Декарта: «*Distingio ergo sum*» («Разделяю, следовательно, существую»). Человек и коллектив существуют только в том случае, если у них есть враги. «Иметь врагов» равняется «существовать», «иметь врагов» — онтологическое качество. Бытие, бытийственность вне и без врагов и борьбы с ними невозможна по определению. Идентифицировать врага — важнейший шаг и единственный способ самоидентификации. Обо всем этом смотри постыдные и по-своему гениальные послевоенные дневники Карла Шмитта [Schmitt 1991].

Вместе с тем идеология заимствует (может быть, точнее: эксплуатирует) важные компоненты у своих предшественников (во временном смысле). У сакрально-религиозного: наличная (физическая) жизнь человека лишь подготовка к будущей — в тысячелетнем рейхе, нескончаемом коммунизме. Остается только «верить» в это. Знать не дано. У либерального: особым образом интерпретируемый лозунг «свобода, равенство, братство». У одних для арийцев, у других для всех, кто будет жить при коммунизме. И это тоже идеал (цель). Если сейчас не получается, давайте работать (бороться) дальше. Может выйдет. Надо верить. То есть типологически схоже с заимствованием у религиозного.

³ О «предельном» и «непредельном» в человеке Монтескье: «Я являюсь человеком благодаря природе; я являюсь французом благодаря случаю».

Однако естественного права в составе идеологии нет. Наличие его сделало бы невозможным дискредитацию по социальным и национальным признакам. Тогда — в конечном счете — все были бы равны. Естественное право, напомним, это то, что объединяет (или соединяет) сакральное и профанное, трансцендентное и посюстороннее.

И еще одно обстоятельство. Религия и право говорят о человеке — личности и индивиду. Идеология о группе (массе) — классе, этносе, расе. У Б. Пастернака в романе утверждается, что с приходом Христа (христианства) закончилась история царств, империй и т. п. и началась история человека. Идеология, сметая религию и право, возрождает «массовости».

Сегодняшнее алкание идеологии крайне опасно.

Суд идёт?

25 июня 2015 г. состоялась пятая сессия Конгресса интеллигенции. На ней было принято обращение провести «Общественный трибунал над сталинизмом, Сталиным и его ближайшим окружением» (настоящий суд — с судебной коллегией, обвинением, защитой). Его подписали многие (в том числе и я). Но некоторые положения этого обращения вызвали у меня вопросы. К примеру: судить Сталина и его приспешников «в соответствии с нормами советского права»? Для меня это сомнительно. При этом в проекте «Устава общественного трибунала...», представленного на сессии, с одной стороны, говорится о применении уголовного законодательства «периода правления Сталина» (1929–1953), с другой — о последующей передаче «материалов в уполномоченный орган государственной власти для принятия процессуальных решений в соответствии с действующим процессуальным законодательством РФ». Мне трудно представить, как можно судить Сталина (и любого другого деятеля прошлого) с позиций законодательства сегодняшнего дня.

Поначалу несколько соображений по поводу предмета разбирательства. С моей точки зрения, Сталин не может быть поставлен в один ряд с Молотовым, Кагановичем и др. И дело здесь не в масштабе преступлений и ответственности за них. Зададимся вопросом: не покончи Гитлер самоубийством, попади он в руки союзников, Нюрнбергский трибунал прошел бы в том же формате или нет? Думаю, было бы иначе. Кейтель, Шахт, Риббентроп и др. и даже Геринг — это одно, а Гитлер иное. Их судили за конкретные преступления. Для Гитлера это не просто «мелковато», это — ни о чем, не по адресу.

Объясню, что имею в виду. Дуче и фюрер переводятся на русский как «вождь». Не государственные деятели, не политики, но — вожди. Что-то из очень прошлого: вожди племен. Эти последние, как правило, совмещали в себе сакральную, властную, хозяйственную и иные функции. В силу определенных исторических обстоятельств вожди оказались возможными и даже востребованными в России, Италии, Германии, некоторых других странах. Глубокое разочарование в наступающей Современности (Modernity) с ее демократией, рынком, нестабильностью и неуверенностью в завтрашнем дне, плюс куча нерешенных проблем дня вчерашнего, плюс разрушительные последствия Первой мировой позволили этим «вождям» захватить власть.

Общим для Муссолини, Гитлера и Сталина была апелляция к славному прошлому. Итальянец облачался в тогу римского императора, немец обращался к реминисценциям из истории древних германцев, русский позже других, но все же устремил свой взор к «нашим великим предкам» (более всего, видимо, был солидарен с Иваном Грозным). Подчеркнем: дуче и фюрер опирались на дохристианское, языческое бытие своих народов, генеральный секретарь — просто на прошлое, словно не замечая в нем христианства и церкви (кстати, к языческим временам он и не мог обратиться по причине сравнительной краткости нашей дохристианской истории).

Однако все три вождя жили в обществах христианского типа. И хотели они этого или нет, были «вписаны» в структуру именно такого мира. В тот момент он переживал кризис — самопонимания, самоидентификации, веры, наконец (в Италии в меньшей степени). Народы, разуверившись во всем, ждали «спасителей». И они явились. На них в значительной мере были перенесены упования страждущих. Эти выродки были в глазах людей христами. Их образы заняли в душах итальянцев и немцев место Христа. В Германии просто говорили о Гитлере как о явлении арийского Христа⁴. Муссолини было сложнее. Через «дорогу» находился Ватикан с Папой, а через другую — король.

У нас иная история. Наместником Бога, Христа традиционно был царь: царь — священник, царь — живая икона. Но царизм рухнул, а «неудачника, недотепу, подкаблучника Николашку» пристрелили (вместе с наследником). Душа же народа по-прежнему жаждала царя — спасителя, избавителя, грозного и справедливого. Сталин прекрасно справился с этой ролью. Не знаю, догадывался ли бывший семинарист⁵, что в сознании народа, в опустошенной его психологии он занял место Божественного Царя. Но и одновременно реализовал многостолетний народный запрос на царя мужицкого, — и это включил в свой образ (человек из народа, в заношенных полувоенных кителях и в сапогах с заплатами). Кстати, народ простил ему и гонения на церковь, и уничтожение крестьянства, и пр.

Такого рода персонажи не подлежат суду. Даже Нюрнбергскому. Проблема в том, что хотят «разобраться» с историческим Сталиным, а он уже давно устойчивый миф. Из тех, на которых строится общественное самопонимание. Борясь со Сталиным-преступником, мы мало затрагиваем миф — опасный, разрушительный.

Скажу больше. В значительной степени я согласен с тем, что говорят о Сталине его поклонники — только у них все это вызывает восторг, а у меня ужас и отвращение. Для них Сталин и есть русская идея. В нем воплотилось все — и «Третий Рим», и «Православие. Самодержавие. Народность» (выяснилось, что именно он воскресил церковь из мертвых, а гнали ее исключительно кагановичи и губельманы), и вековая коммунистическая мечта русского народа. Иными словами, пока власть и интеллектуалы пытались сформулировать национальную идею, люди нашли ее сердцем. Разумеется, какого-то официального одобрения верхов пока ожидать не приходится (что будет дальше, мы не знаем). Да в общем и не надо. Ведь Сталин — это «наша» сокровенная любовь, а не показуха или нечто навязанное. Когда-то Ленин утверждал, что Россия выстрадала марксизм. Оказалось: ошибся. «Мы» пострадали Сталина.

Сегодня (может, «завтра» будет иначе) никакой, даже самый убедительный и доказательный рассказ о преступлениях Сталина не поколеблет его культа у большей части населения России. Ведь настоящей, действенной, рассчитанной на поколения (да-да!) десталинизации, декоммунизации, десоветизации не было (и не предвидится). Через десять лет после окончания войны (1955) в Западной Германии был проведен опрос об отношении к Гитлеру. Так вот, более 50 % людей положительно оценили личность и деятельность тевтонского лодоеда. После стольких усилий союзников, немецких демократов, после уничтоженной и униженной страны, после ее небывалого поражения, после экономического возрождения, после тотальной и жесткой денацификации⁶ немцы (в своем большинстве) сохранили любовь к

⁴ Движение «немецких христиан», в которое вошло до четверти протестантских священников, утверждало, что Гитлер есть явление миру и в мир «арийского Христа».

⁵ В России хорошо известно, что мать Сталина мечтала видеть его священником. И мать Гитлера своего сына — тоже.

⁶ К примеру, программа «Re-Education» предполагала принудительные экскурсии в места массовых убийств, демонстрацию в кинотеатрах зарубежных фильмов о концлагерях. Через общенациональную антинацистскую систему «Politische Bildung» прошло практически все население ФРГ.

Гитлеру⁷. Кстати, и Муссолини у немалого числа итальянцев вполне себе герой и «отец народа». Что про нас-то говорить!

А каково отношение власти к Сталину-мифу? С одной стороны, он вроде бы должен мешать ныне начальствующим. Можно проиграть при сравнении, да и в тени этого гиганта остаться. Но с другой — выдвинув Войну на место центрального события русской истории, они, безусловно, возвели его на самый высокий пьедестал. Если важнейшее в нашем прошлом (и настоящем!) Война, а Сталин, чтобы там ни говорили его противники, главный в ней, то и получается... Я несколько раз писал (и не буду здесь повторяться) о том, что современный русский режим имеет своим происхождением Великую Отечественную — там его корни. И там он черпает историческую легитимность. Следовательно, Сталин — источник нынешней власти, «столп и утверждение». Поэтому сталинский миф, чтобы негативного о сталинизме ни говорили в разное время российские лидеры, — «живая вода» властной системы середины 10-х годов XXI в.

Каковы мои возражения против того, чтобы Сталина (да и всех его приспешников) судить по советским законам? Если мы пойдем на это, то придадим советскому «праву» (законам) статус права. То есть мы легитимируем и легализуем советскую систему. Логика здесь такова. Мы покажем, что Сталин нарушал советские законы, что он — преступник. Следовательно, автоматически признаем советские законы и утверждаем наличие в СССР правопорядка. Тогда все сводится к старому, прозвучавшему в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде тезису: нарушение социалистической законности.

Вообще-то, конечно, имеется некая высшая эlegantность в «советском» суде над Сталиным. Он убивал «нас» статьями своего законодательства, теперь мы найдем статьи для него. Его же удавкой — его же. Да, но таким образом Сталин отделяется от тогдашних законов. *А он и есть эти законы*. Иосиф Виссарионович не нарушал социалистическую законность, но — воплощал. Другое дело, что она и была абсолютным нарушением законности. Причем не какой-то «абстрактной», а выработанной в ходе эволюции европейско-христианского исторического субъекта («элементом» которого, вне сомнения, являются и русские).

Попутно замечу: советское законодательство принципиально отличалось от национал-социалистического. Гитлер не отменил Веймарской конституции 1919 г. и «буржуазного» правопорядка. Были внесены очень важные «тоталитарные» изменения, калечившие правовую систему. С годами «правоприменение» становилось все более насильственно-террористическим. Специалисты говорили о двух государствах в рамках Третьего рейха: традиционном Веймарском и новом национал-социалистическом. Причем пространство первого постоянно сужалось. И тем не менее сохранялись остатки правовой государственности.

Большевики же, что хорошо известно, начали с принципиального отказа от ценностей цивилизованного мира. Отрицались религия, государство, право, семья, частная собственность, деньги etc. Жизнь оказалась сильнее. Что-то пришлось вернуть, — правда, в изуродованном виде. Это касается и юридической материи.

Внешне имелись конституции (1918, 1924, 1936, 1977), законы, суды, прокуроры, адвокаты. Но право не возвратилось в советское общество. (Речь даже не о чисто террористических законах, подзаконных актах, постановлениях и т. д.) Приведем пример — КПСС. В Конституции 1936 г. о КПСС (тогда — ВКП(б)) говорится в глубине текста и как-то мимоходом (Глава X. «Основные права и обязанности граждан», ст. 126): «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллиген-

⁷ Да и не только к этому «взбесившемуся неотесанному плебею» (Т. Манн). В 1959–1960 гг. в Западной Германии прошли многочисленные антисемитские погромы. Около 20 % опрошенных граждан заявили тогда, что евреи отчасти сами виноваты в том, что их убивали.

ции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [Конституция общенародного государства... 1978: 242]: все это как-то рыхло, общо, не по-юридически. Декларативно.

Ситуация несколько изменилась в Основном законе 1977 г. В главе I «Политическая система» имеется знаменитая ст. 6. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия» [Там же: 113]. Это уже весомее, определеннее, так сказать, политичнее.

Действительно, коммунисты верховодили во всем. Только вот одна неувязочка. С 1917 по 1991 г. в СССР не был принят закон о коммунистической партии. Поэтому даже в рамках советского права это была нелегальная, подпольная организация. Конституционные тексты 1936 и 1977 гг. провозглашали господство не существовавшей в правовом пространстве организации. Парадоксальным образом, некую легитимность КПСС придал Указ Б.Н. Ельцина о запрете деятельности этой «партии» на территории (тогда еще) РСФСР. Ведь нельзя же юридически запретить то, чего юридически не существует. Эдакая посмертная легитимация и легализация.

В отличие от сталинского Союза, в гитлеровском рейхе 1 декабря 1933 г. был принят Закон об НСДАП («корпорация публичного права»)⁸. То же касается правового статуса первого лица в Союзе и в рейхе. Никакого генерального секретаря в конституционных текстах и законодательстве нет и в помине⁹. А вот Гитлер озаботился своим правовым положением. 1 августа 1934 г. внес изменение в Веймарскую конституцию: «Законом о главе Германского рейха» он объявлялся одновременно и рейхспрезидентом, и рейхсканцлером. 2 августа 1934 г., в день когда умер Гинденбург, Гитлер упразднил пост президента, теперь он был «фюрер и рейхсканцлер».

Да, вдогонку. Закона о КГБ у нас тоже никогда не было. И нигде в «правовых» документах эта организация не упоминалась. Нелегалы...

Мне возразят: принципиальный отказ судить Сталина есть заблуждение. Вы утверждаете, что Сталин — миф, Сталин — псевдохристос, Сталин — псевдосакральный царь, Сталин — русская идея не может быть «измерен» статьями законодательства (советского, но это в *данном* контексте не важно; главное вообще правом). Напротив, скажут мои оппоненты, через суд мы демифологизируем *такого* Сталина. С «небес» да на грешную землю. И смотришь: это уже не псевдобог и сказочное «наше все», а человек, нарушавший законы, виновный в таких-то конкретных преступлениях.

В противном случае — если не судить — Сталин останется во всех этих своих образах. То есть Вы сами того не ведая, льете воду на мельницу сталинопоклонников. Все Ваше рассуждение есть по сути апология Сталина, пусть цели были прямо противоположные.

Что ж, частично я готов принять эти гипотетические возражения. Вообще заманчиво (в хорошем смысле) отбросить высокопарность, мифологию и перейти к нормальному юридическому «разговору» с гражданином Сталиным (Джугашвили). Наверное, кому-то (даже, допуская, многим) это откроет глаза на «полководца полководцев» (маршал Д. Язов о своем Верховном). Разве не этого хотим мы?!

Но... представим себе немцев в нашей ситуации. Рейх устоял во Второй мировой. Гитлер умирает (скажем) в 60-е. Режим смягчается, на XXIV съезде НСДАП в Нюрнберге канц-

⁸ Точное название: «Закон об обеспечении единства партии и государства».

⁹ В проекте «Устава трибунала над Сталиным» говорится о «превышении должностных полномочий». Но какие должностные полномочия были у главы нелегальной по этому самому праву партии?

лер Шахт обвиняет почившего фюрера в нарушениях национал-социалистической законности. Реабилитируют Рема, Канариса и др. Затем все происходит примерно по нашему сценарию... И в 2015 г. демократическая общественность Германии, обеспокоенная ростом симпатий к Гитлеру и расширением гитлеровских практик в немецкой повседневности, приходит к идее трибунала над этим преступником и его бандой. Трибунала, разумеется, общественного. Что эти прогрессивные люди с основательностью, присущей «германскому гению», и делают. Затем материалы передаются в Прокуратуру Федеративной Республики.

Чиновники немеют от неожиданности. Им предлагают начать уголовное преследование бывшего «фюрера и рейхсканцлера» и его окружения за нарушение законов 30–60-х годов XX в., давным-давно не действующих. К тому же и созданных этими «фигурантами». Тем самым прогрессивная германская общественность не только «признает» эти законы, но и поднимает вопрос об актуальности их использования, т. е. своеобразной реанимации. Следовательно, «юридические практики» гитлеровских времен переживают второе рождение...

Мы рискуем оказаться в схожей ситуации. Убежденные антисталинисты потребуют от государства применения сталинского правосудия.

Тем не менее, принимая во внимание всю проблематичность идеи трибунала, полагаю любое противодействие Сталину, сталинизму оправданным. Более того, необходимым. Это протест против сталинизации нашей жизни и власти. Необходимо использовать каждый шанс, каждую инициативу (даже если не всегда согласны с конкретной формой противостояния).

Убежден, к этому нас подталкивает ситуация. Сегодня мы переживаем возрождение и новый расцвет «культы» Сталина. Он действительно не остался в прошлом, а растворился в будущем (нашем настоящем). Общество снизу доверху пронизано его мифом. И современный режим в своей эволюции, не исключено, «встретится» со Сталиным. Не случайно современники отмечают расширение сталинских практик в российской повседневности. В чем же дело?

Поскольку десталинизация всерьез не состоялась, то активизировался противоположный процесс. В этом — раньше мы просто не могли этого знать — закономерность эволюции посттоталитарных обществ. Они либо становятся нетоталитарными, либо имеют тенденцию двигаться вспять, к новому изданию тоталитаризма. В явном виде это происходит только в России. Историческая судьба ее, видимо, такова: сами первые сотворили тоталитарное устройство, сами должны избавиться от него. Нашим бывшим солагерниками из Центрально-Восточной Европы повезло — их включили в европейские и евро-атлантические структуры, тем самым купировав возможность реставрации. Впрочем, все справедливо — без СССР тоталитарные режимы там малопредставимы; да и были они в целом помягче, покороче, в той или иной мере сохранив некоторые элементы гражданского общества. Но — внимание! — в тех сегментах и социальных группах этих бывших «наших», в которых по той или иной причине детотализация оказалась поверхностной, можно обнаружить процессы, схожие с российскими; к примеру — Восток Германии, Венгрия, отчасти Польша.

При подготовке трибунала над Сталиным, вне зависимости от нашего желания, возникают аллюзии на Нюрнбергский трибунал. Все понимают гигантскую разницу ситуаций, но тем не менее... иных значимых прецедентов нет. — Оставив в стороне целый ряд наблюдений и рассуждений по поводу Нюрнберга, обращу внимание на его схожесть с XX съездом КПСС (сразу же посыпятся возражения, подождите...). Скажу резче: это и есть *русский* Нюрнберг, другого не будет, другой невозможен. Но в чем схожесть?

И там, и там речь шла не об обвинениях, основанных на определенном законодательстве, но об апелляции к естественному праву. Про тот Нюрнберг это хорошо известно, однако разве и «наш» прошел не по этому пути? Конечно, в устах Н.С. Хрущева обвинение Ста-

лина в «нарушении социалистической законности» и ленинских норм жизни и было по существу доступным для него и его соратников обращением к «естественному праву». Их естественному праву, к неким туманно-гуманным (надуманным) высшим ценностям. Это можно оспорить и брезгливо отбросить. Но я бы не стал. Типологическая схожесть, с моей точки зрения, безусловна. И многое объясняет в нашей истории и месте в ней XX съезда.

Далее. В чем сегодняшняя особость сталинизма и Сталина-мифа? До смерти тирана сталинизм был всем и был, так сказать, естественным состоянием общества. В 1956 г. его объявили неким нарушением абсолютно правильного порядка. То есть сузили, сократили до «нарушения соцзаконности». Тем самым маргинализировали некоторые его черты и отделили от хорошего, правильного. Так или иначе произошло — до определенной степени, конечно, — противопоставление сталинских ошибок/преступлений и «успешного строительства социализма». И во временном отношении ограничили сталинизм: рубеж 20–30-х до начала 50-х. Причем война 1941–1945 гг. по сути вычиталась. В этот период «плохое сталинское» хоть и было, но играло значительно меньшую роль.

Во времена Леонида Ильича сталинизм и Сталина почти реабилитировали, но все-таки отделяли от прекрасного настоящего. Во всяком случае полностью не впускали сталинское в современность. В 90-е оно пережило худшее: дискредитировалось, разоблачалось, отвергалось.

Но с началом века, отчасти мы уже говорили об этом, дело пошло на поправку. Более того, сложилась качественно новая ситуация (это — важнейшее). Власть и значительная часть общества, признав преступления, включили Сталина и сталинизм в великую русскую историю и современность. Вернули их. Причем сделано это было весьма искусно. — Вот очередной телесериал, в нем обязательно Сталин и его подручные, никто не скрывает их жестокости и, может, даже злодейства, но и не «замалчивает» их незаменимую историческую роль. «Шекспировская» картинка. Исторические хроники. Да, лилась кровь (а где и когда не лилась?!), да, были незаконно репрессированные (а где и когда их не было?!), да... и т. д. Но — мы построили, мы победили, мы первыми в мире...

Думаю, таких прочных позиций у Сталина и сталинизма не было **никогда**. Даже в период их, казалось бы, абсолютного владычества. Тогда, пусть и скрывая (даже от себя), очень многие страдали от боли, страха, неопределенности. Тогда сияющий мир, запечатленный советским кинематографом, в одночасье мог смениться каким-нибудь Дубровлагом. Ну а повседневный ужас коммуналки, барака, голодной деревни, изнурительного труда, безденежья, совершенной социальной и правовой незащищенности (это не по книжкам — автобиографическое) был сутью человеческой жизни.

Теперь же ничего этого нет. Нет даже саднящей памяти об этом. Носители боли в основном вымерли. Остался кинематограф. В разных смыслах этого слова...

Как судить Сталина за конкретные преступления? Да, «мы» их признали, осуждаем, чувствуем. Но ведь Сталин этим не исчерпывается. Это наша победа, наша мощь, наша гордость. В конечном счете жизнь и судьба. Как же от этого отказываться?!

Россия сотворила свой исторический компромисс: она согласилась с тем, что в Сталине и сталинизме имелись позорно-преступные черты, и включила это зло в свое понимание добра, нормы, истории. Она сегодня не отдаст Сталина, поскольку без него народ неполный (**так** сегодня понимает себя народ). Произошла, как говорила по другому поводу Ханна Арендт, банализация зла. В смысле: ну, с кем не бывает, а в целом замечательная жизнь и люди.

Предполагаю: как социальная затея трибунал провалится. Никаких правовых последствий не будет. Но, убежден, будет приобретен новый и бесценный опыт разоблачения зла. Будет сделан — какой-никакой — шаг в десталинизации сознания граждан России. Будет

заявлено громкое «нет» фактической сталинизации власти и социума. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин средней и высшей школы (из тех, кто действительно любит свою родину) получают дополнительную аргументацию и информацию, необходимые для антисталинских прививок молодежи.

И главное, что мы должны осознать: борьба со Сталиным и сталинизмом это противостояние свертыванию свободы в нашей стране. Это противостояние тому, чтобы вновь не стала актуальной горькая истина середины XX в.: вологодский конвой шуток не понимает.

Что тревожит. Конспирология

Давно замечено: в неустойчивые времена в обществе (любом) активизируются всякого рода «оккультные» настроения. Парарелигиозные, квазирелигиозные, «магические» и т. д. Научная картина мира подвергается интенсивным атакам со стороны пересмотрщиков исторической хронологии, открывателей «биополя», теоретиков какой-то иной физики. Разумеется, — это отчасти отражение и выражение той самой неустойчивости, фрустрации, кризиса идентичности, отчасти — реакция, нередко агрессивная и разрушающая, на некоторую неподвижность, «застойность», пресность господствующих убеждений, концепций, классической (традиционной) науки в целом.

Еще, безусловно, здесь присутствует характерное для человека вообще «искушение» заглянуть за горизонт, прикоснуться к «последней» тайне, самолично воскресить умерших etc. То есть при всей фальши и неадекватности этого исторического мусора (увы, загрязняющего атмосферу, а ведь и так дышать нечем) его наличие, всплеск энергии, агрессивность — вполне объяснимы. Это не значит, что социально-психологически и даже политически они не опасны. Что им можно и не противостоять. Мол, само по себе уляжется, успокоится. Нет, конечно, это не так. И задача вменяемого ученого бороться с ними.

Но в такие неустойчивые эпохи общества сталкиваются и с гораздо более опасными и коварными вызовами. С попытками взорвать культурный фундамент социального развития человечества. К ним не в последнюю очередь относятся различные конспирологические «теории» (скорее, «практики»; ничего по-настоящему теоретического там нет; но оставим, как принято, «теории»). В последние годы они переживают в нашей стране подъем. И представляют несомненную опасность для нормального функционирования российского социума.

Итак, в чем ложь конспирологии? — В недоверии к человеку и **его** истории (существованию, бытию, тому, что происходит). В отказе ему в статусе субъекта исторического **развития** (чуть ниже мы объясним, почему эти слова выделены). Полагается — не **он** определяет содержание социальной жизни, но — **нечто** иное. А именно — «клубы, ложи, комиссии, орденские и неорденские структуры». Они контролируют современный мир, являются, так сказать, его директорами. Тайными и теньвыми, а потому зловещими и коварными. Мы лишь игрушки в их руках; в лучшем случае — несознательная обслуга...

Всё: здесь заканчивается **любая** историософия и начинается следственное дело. «Винный (е)» известен изначально; более того, «виновность» является его онтологическим статусом. Однако это не отменяет дознавательных действий. Они приходят на смену былым идеологиям и способам понимания истории. Конспирологи в своем лице (лицах) соединяют роли работников культа, партсекретарей (первых и по идеологии), судей, прокуроров. В интенции и исполнителей приговоров. Таким образом, конспирология есть не только отказ от попыток исторического понимания, но и **закрытие** самой истории. Ее больше нет, поскольку найден Ответ и выписаны ордера на арест.

Но конспирология не только анти- и внеисторична, она и надисторична. Это апелляция к дьяволу, имплементация врага рода человеческого в наличное бытие. Говоря научно: игра краплеными картами. Вообще мне представляется, что дьявол (черт) — изобретение ума **незрелого**. Ведь «черт попутал» — уже отчуждение зла, тебе имманентного, отказ от ответственности. Да, да, я имею в виду идею первородного греха, на которой построена христианская цивилизация (Россия — ее часть). Преодоление греха, избывание греха, следование за Христом — вот цель жизни. Значит, человек есть не наличность (во всех смыслах), но — **задача**. Бог хочет от нас развития, Он не конец истории, а ее *раскрытие* (в духе Баха и др.). Конспирология же — яд, которым хотят уничтожить наше упование на все это.

К тому же эта «веселая наука» (как назвал ее один современный российский исследователь мировой закулисы) есть реализация принципа недоверия к человеку, презумпция его виновности (отчасти мы уже касались этого, но усилим в ином контексте). Не тебе должны доказать твою виновность, а ты — что невиновен. Докажи, что не «отвечаешь» за произошедшее. Ну! — Не можешь? Вот «ты» и есть в «ответе». Не смог же «оправдаться». Выражаясь не очень изысканно: конспирология — это такой своеобразный историософско-социологический Вышинский. Это — сталинские процессы, развернутые против истории, развития, открытости etc. И одновременно «дорожная карта» для сегодняшних идеологов и мастеров заплечных дел.

Кто-то же должен ответить в условиях безответственности?!

Мне кажется, я объяснил использование выделенных слов.

***Мы не пойдём другим путём
(или Гимн декадансу и закатам Европы)***

Марксисты с подачи их отцов-основателей любят рассуждать о бонапартизме. Что это личная диктатура, опирающаяся на некий баланс различных социальных сил. Для меня эта формула всегда была загадочной. И я представлял себе его так. Некто, под названием «главный», постоянно прыгает с одной вершины на другую. И как-то так образуется политический баланс. Безусловно, это инфантильно и примитивно (то, как мне это представлялось).

А если всерьез, то бонапартизм для меня — это слова самого Бонапарта, сказанные им, кажется, генералу Ожеро (вполне могу ошибиться): Вы выше меня на голову, но я могу ликвидировать эту разницу. В этом суть бонапартизма. Гражданский кодекс (когда-то я писал, что это вторая по своему значению после Библии книга для европейского человечества) и есть юридическое (которое пришло на смену сакральному) закрепление господства «середины», равенства, сведение всех к одному росту. Как ни странно, всегда к росту властителя. Это тенденция к усреднению и понижению.

Каждый раз, когда западная часть человечества (поздние Афины, поздний Рим, Ренессанс, Просвещение, предвоенная (до 1914 г.) Европа) подходит к чему-то принципиально новому, более сложному, а значит, и опасному, начинается охранительная реакция. В Афинах — в виде варваров и римлян, в Риме — варваров, в эпоху Ренессанса — протестантизма и контрреформации, в начале XX в. — самоубийственной мировой войны и деспотии неокультурного человека. Да, мы забыли Просвещение. Его могильщиком стал генерал Буонапарте. Но каждый раз социально и витально разгромленный авангард успевал передать эстафету следующим за ним (во временном смысле) потенциальным декадантам.

Здесь важное для нас уточнение. Сторонники модного ныне цивилизационного подхода к истории вслед за Данилевским, Леонтьевым, Шпенглером, Тойнби полагают, что все культурно-исторические типы проходят три этапа, последний из которых — разложение. Или, как говорил Тойнби, *desintegration*, а наш Леонтьев — «вторичное смесительное упро-

щение». При всем уважении к этим замечательным умам возражу. Именно эта стадия и есть самое интересное, что случается с народами. Правда, будучи несведущ в неевропейских культурах, ограничу свое полагание Западом и Россией.

Каждый раз перед своим «закатом» Европа (и Россия) создавали непревзойденные произведения культуры, мысли, быта, эстетики и пр. Слава Богу, это не исчезало вместе с их материальными носителями. Каким прорывом в будущее виделась современникам и потомкам Французская революция! Какие возможности, казалось всем (или почти всем), открывала она перед человеком. А на самом деле несла новое рабство — рабство юридически эгалитарного мира: всех — под один рост. Но не прошло. И не могло пройти. «Марсельеза» не отменила Моцарта. Великие европейские музыка, литература, живопись XIX в. смели тенденцию к упрощению и вновь поставили на повестку дня сложность.

Так бывает. Гёте и Стендаль написали нового сложного европейца. И, как всегда, в последние столетия «предательскую» роль по отношению к тенденции снижения сыграла наука. Эти нередко малокультурные люди, сами того не ведая, постоянно работали на поддержание сложности восприятия мира. Они все время что-то открывали в природе. Говоря языком постмодернизма, постоянно ей что-то приписывали. Более того, навязывали. Электромагнитные волны, радио, телеграф, телефон. А до этого — паровой двигатель. Как когда-то часы. В интенции это означало: мы не дадим вам забыться в спокойствии, мы вам навяжем иной тип бытия. То есть каждый раз новое поколение европейцев как будто бы говорило себе: мы пойдем иным — своим путем...

А что же у нас, в России? Если для европейцев каждый раз свой путь иной — а потому и свой, то у нас нет. Так что же у нас? Когда-то я писал о двух постоянных составляющих русского исторического развития — общине (земстве) и орде. Началось все с противостояния монгольской Орды и земско-княжеской Руси. Это противостояние никогда не было изжито. Но, во-первых, дополнилось их симфонией. (При этом, подчеркнем, противостояние никуда не ушло.) А во-вторых, менялись формы их существования и борьбы. Что, кстати, крайне важно.

И вот когда я несколько лет назад говорил это, мне самому не был ясен механизм воспроизводства этой конфигурации. Но 14-й и 15-й годы нового столетия подсказали мне, в чем феномен живучести этих антагонистов/близнецов. В каждую эпоху в какой-то момент происходит их взаимопоглощение: орда поглощает общину, а община — орду. Мы, утверждают историки, в конце XV в. освобождаемся от ордынского ига. Но, как указывают свободные философы, ставка хана переносится в Москву. Опричнина (новая орда) в XVI в. как будто бы расправляется с земством (или: берет верх над земством). Лет через 40 земство в ходе Смуты продуцирует свою опричнину, которая не дает состояться новой польско-боярско-казацкой орде. Ну и так далее. Имеются в виду Петр I, Сталин. Там такие же сценарии.

И сегодня. Казалось бы, к началу 90-х годов XX в. земство/община скинули с себя номенклатурную орду. Да и сами ее тут же породили. И, так сказать, взаимопоглотились. Мы не хотим и не можем идти иным путем. А какой бы он мог быть — иной? Орда становится национальной, т. е. гражданской, т. е. ответственной и патриотической элитой, а земство/община — обществом. Или, как говорил Карл Поппер, не полубиологическим единством, но союзом совершеннолетних личностей.

У нас по-прежнему «партия и народ едины». Не знаю, навсегда ли, но, видимо, в ближайшее время иной путь нам заказан.

Об опасности войны

В современной политической науке господствует элитистская концепция: элиты определяют политику. Можно как угодно относиться к этому выводу, но, безусловно, некое зерно рациональности в нем есть. О чем говорит опыт последних 150 лет? Кто затеял войны, разрушившие мировой порядок, установленный Венским конгрессом 1814–1815 гг.? Речь идет о войнах, приведших к образованию современных Германии, Италии и... даже Франции.

Франции — в том смысле, что была разрушена (и, видимо, навсегда) ее континентальная гегемония, которая существовала со времен Людовика XIV. В России значение крушения европейского господства Франции недооценивается. Когда-то Франция «развелась» с Англией... (Несколько столетий это было одно государство, та же династия правила в Париже и в Лондоне, лондонская знать говорила по-английски и по-французски. Все изменилось во времена Генриха VIII в начале XVI в. Будущие Франция и Англия расстались. Англия, победив испанскую Армаду, стала владычицей морей: «правь Британия морями». Франция занялась континентом.) Так вот, франко-прусская война 1870 г. подвела черту под всей этой историей. Британия создала свой мир за пределами Европы — будущие США, Австралия, Новая Зеландия. Лишь в Канаде две части одного бывшего государства спорили за гегемонию. В целом, как известно, победила Англия.

Итак, франко-прусская война стала рубежом в истории человечества. В мировой политике появился новый игрок — Германия. Европа и, следовательно, весь мир потеряли относительную устойчивость венских договоренностей. Бурный рост мировой техники и технологий конца XIX – начала XX в. привел к созданию оружия массового уничтожения (ОМУ). И многим казалось, что это как раз противовес родившейся тогда опасной «многополярности» мира. Не может быть войны при наличии газа, пулемета, разрывных пуль. То есть парадоксальным образом ОМУ и были тем барьером, который стоял на пути тех, кто хотел переделать мир. Почему же началась война?

Выскажу странное предположение. К 1914 г. миром правили люди, которые не знали, что такое война. У них не было страха перед мщением, кровью, смертью. И столетний венский порядок был окончательно взорван. Вторая мировая война стала «лишь» заключительным актом Первой. Ее главные действовавшие лица — недоевавшие или проигравшие в 1918 г. Затем последовал период примерно 70-летнего мира, который не был разрушен даже развалом СССР и подъемом Китая. Но к 2014–2015 гг. лидерами ключевых стран мира оказались люди, родившиеся через десять–двадцать лет после окончания Второй мировой. У них тоже нет опыта военного времени. Единственным ограничителем (барьером) нового глобального столкновения является наличие ядерного оружия. Сегодня кажется, что его применение абсолютно невозможно. Это приведет к концу жизни на Земле. Но ведь сто лет назад, как мы знаем, тогдашнее ОМУ тоже считалось чем-то вроде красного света на дороге к войне.

Какой вывод из всего этого? История последних 150 лет показывает, что поколения лидеров, не переживших лично ужас войны, могут развязать ее даже при наличии ОМУ и ядерного оружия. Это делает современную ситуацию предельно опасной. В российских СМИ стали появляться материалы, невозможные даже при господстве коммунистов — о допустимости нанесения ядерных ударов по Западу. Во вроде бы в солидных политических журналах можно встретить такие «мэссиджи»: «Конфликт между Россией и Западом имеет глубинный, сущностный характер. США и его сателлитам важно не перейти „красную черту“, чтобы не началась Третья мировая война. Вызывающее поведение, бряцание оружием около наших границ в конечном итоге может привести к тому, что начнется ядерная война. Мы бьем Европу в среднем где-то раз в столетие. Видимо, наступает момент напомнить ей о приличном поведении в международных отношениях. Европейцы после распада СССР немного подза-

были о том, что их когда-то били. Не исключено, сейчас приближается время, когда они рискуют нарваться на хорошую порку»¹⁰.

Или вот, к примеру, Вячеслав Алексеевич Никонов констатирует: «У России появились неприятности. Слабый рубль, падение цен на нефть, санкции. Что России в этой ситуации делать? Конечно, ответ на этот вопрос у нас всегда был один. Главные союзники России — это ее армия и флот. И в последнее время Россия предприняла резкий рывок в усилении своей обороноспособности... У России по совокупной мощи — вторая военная машина на планете после США. А по многим параметрам — первая. У нас появились новые системы вооружений, которые принципиально меняют баланс военной силы... У нас есть новейшие межконтинентальные баллистические ракеты, способные достичь территории США не только через Северный полюс, но и через Южный... Наша ракета может прилететь совсем не оттуда, откуда ее ждут» [Никонов 2015: 11–12].

Вроде бы и ничего особенно воинственного, но как-то страшновато. Особенно из уст председателя думского комитета по *образованию*.

II. «В терновом венце революции»¹¹

И те же выписки из книг,
И тех же эр сопоставленья
Борис Пастернак

Зимой тринадцатого–четырнадцатого я принялся писать дневник. Но Крым как-то выбил из колеи. А затем — Донбасс и общее одичание, ожесточение, ужесточение. В начале пятнадцатого государство подарило нам десять дней отдыха (впрочем, это уже обычное дело), и все это время я читал книги по русской истории¹². Хотелось остановиться, оглянуться, задуматься... Не на бегу, как почти всегда. При этом понимал: после того, что произошло в стране и мире в Четырнадцатом, следует еще раз обратиться к нашему прошлому — с вопросами и за советом.

Получилось ли? Не знаю, не уверен. Правда, по мере углубления в тексты сегодняшняя боль, боль о современном как-то притуплялась. Шестого января, в сочельник (и 25 лет со дня смерти моего учителя профессора Николая Никаноровича Разумовича) я записал: «Как сладко утонуть в русской истории (особенно, по Ключевскому, — острой, умной, элегантной, пессимистичной... в общем „своей“), чтобы не видеть, забыть, не сопротивляться». Действительно, если всегда **так** было, что уж...

Вот, к примеру, Василий Осипович о 30-х годах XVIII в., о бироновщине, об ограблении властью народа: «Под стать невзгодам, какими тогда посетила Россию природа, неурожаям, голоду, повальным болезням, пожарам устроена была **доимочная облава на народ** (выделено мною. — *Ю.П.*): снаряжались **вымогательные экспедиции** (выделено мною. — *Ю.П.*); неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правеже и продавали у них все, что попадалось под руку. Повторялись **татарские нашествия, только из отечественной столицы**¹³ (выделено мною. — *Ю.П.*). Стон и вопль пошел по стране» [Ключевский 1993: 139].

¹⁰ См.: Британский план... 2015: 28. Автор этих строк ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО Михаил Александров.

¹¹ Слова Владимира Маяковского.

¹² Разумеется, тогда я не мог знать, как круто повернется моя жизнь. Как пожар в ИНИОНе разрушит устоявшуюся ее уклад, отнимет то, чему я служил десятилетиями... Впрочем, это другая история.

¹³ А через многие десятки лет А. Галич скажет: «И это уже не татары. / Похуже Мамаю — свои».

Так это просто коллективизация и «большой террор»! В те же 30-е, но двести лет назад. — И еще о бироновщине: «Сколько-нибудь размышлявшие люди сделали важное открытие: они почувствовали при чересчур обильном законодательстве полное отсутствие закона» [Там же: 144]. — Разве это не о наших днях?!

Кстати, по поводу «татарских нашествий... из отечественной столицы». Это не просто литературный оборот, но — точная констатация. Все мы, конечно, помним зацитированные (что не отменяет верности) слова Г.В. Федотова относительно прекращения в конце XV в. татаро-монгольского ига: «Ставка хана была перенесена в Москву». Отныне «белый царь» (так именовали на Руси кочевнических ханов в XIII–XV вв.), покинув дворец Алтын Ордон в Сараяе, поселяется в московском Кремле. Его как будто специально к этому моменту строят итальянские мастера. Понятно, «перенос ставки», «переселение» носят символический характер. Первым русским «белым царем» (ханом) становится Рюрикович (данилович) Иван Васильевич, Иван III, Иван Грозный (впоследствии младший внук отберет у него это именование; мол, погрознее бывают). Надо сказать: московские князья долго шли к этому положению. Старт был дан еще в середине XIII столетия их пращуром — Александром Невским. Случались, правда, и среди даниловичей уклонисты и отщепенцы (Дмитрий Донской, скажем), но в целом линия была последовательной и увенчалась успехом. Говоря научно, Орда была русскими интериоризирована. Внешнее рабство сменилось внутренним. Монополия на ограбление русского народа перешла от Сарая к Москве. Вскорости появятся и собственные ордынцы (не только хан) — опричники, гвардейцы Петра, военно-служилое дворянство.

Здесь — невозможно удержаться — хочется сказать несколько слов о роли Орды в нашей истории. И одновременно поспособствовать прекращению спора приверженцев и противников «норманнской» теории.

Кто создал не абстрактную русскую государственность (этот глупый спор «норманны-славяне»), а Русское государство? **Орда**. Всех пересчитали, устроили коммуникации, обложили данью («выход»). То есть обрисовали и определили «Рус Улус» (РУ). Покончили — в целом — с «феодальной раздробленностью». Хотели-не-хотели подвязали земщину (общину) к военщине (в Орде **так** и было). Научили, что прав нет ни у кого, только — обязанности. У Одного — **все** права (**так** не было до монгольской власти и ордынизации всей страны). «Помогали» Церкви любить Власть, служить ей, обслуживать.

Кстати, можно даже назвать эпоху, когда родилась Русь–Москва. В 1368 г. Золотая орда становится независимой от Монгольской империи. В 1380 г. Дмитрий сражается и побеждает нелегитимного, узурпатора, выскочку — Мамай (в **этом** контексте слова В.О. Ключевского, что Русское государство начинается на Куликовом поле, звучат иначе). Заметим: в этой великой битве не было ратей Новгорода, Пскова, Твери, Суздаля, Рязани. В 1385 г. Ольгерд принимает католичество. Вот в эти 20 лет Московская Русь в рамках Орды претендует на лидерство в ней. Через 200 лет на царский престол сядет чингизид Симеон, а вскорости потомок выходцев из Орды — Годунов.

Со временем москвиты русифицировали Рус Улус. И это стало опасно для последнего. Пойди РУ по пути В. Голицына–Федора–Софьи, по пути мягкой полонизации, литвинизации, (страшно сказать) мадьяризации, быть бы великороссам чем-то типа западных мало- и белоруссов. Свою роль в разложении РУ играла левобережная Украина с Киевом на правом берегу (все эти могилянцы), пришельцы из Белой Руси (все эти полоцкие), да и Немецкая слобода.

Было два варианта: этот, разложенческий, и другой — подморозить РУ с помощью продвинутых европейских технологий. Со временем самим научиться их производить и применять. Так сказать, импортозамещение.

Явился Металлический Всадник и, спасая эссенцию Рус Улус, превратил его в Rußland (РЛ). Тридцать лет назад я написал: скрестил ордынца с пруссаком.

Вернемся к опричникам. Они ведь далеко не «случайны». Без них новое государство — во многом по монгольскому образцу — не состоялось бы. «Дворцовое государство» — говорит Ключевский (сегодня эта метафора великого историка развернута в убедительную концепцию, помогающую многое понять в современной русской политике; см. работы И.И. Глебовой¹⁴). И так, «государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре» [Ключевский 1993: 195]. — И хотя это о наследниках Петра Великого, несомненно, такой тип государственности складывается со времен (как минимум) Ивана III и в ходе того самого «переноса» и усвоения, о котором мы уже писали.

Ну, а «военно-полицейская опора» рождается в славной опричнине Грозного-царя («славной», и потому что ее возрождения разыскивают славные изборцы, идеологи и подстрекатели нового погрома на Руси¹⁵). В ней «этот класс получил яркую политическую окраску как полицейский охранный корпус...» [Ключевский 1993: 176]. А в елизаветинские времена «помещичьи усадьбы... стали центрами крепостных судебно-полицейских участков» [Там же].

И еще к теме переноса «ханских ставок» (или «дворцового государства»). Каждая из них знаменовала переход страны в новое состояние (об этом достаточно ясно сказано в работе «Русская Система»). Среди прочих «переносчиков» особо выделяется Петр Алексеевич. Поначалу он убегает из Москвы (не из города, а от малоподвижной старозаветной жизни; так казалось поверхностному, вздорному, самонадеянному юноше; он почему-то соизволил не заметить тех глубоких перемен, которые происходили при деде, отце, старшем брате и старшей сестре) в Немецкую слободу. Здесь он располагает свою ставку. «Это был уголок Западной Европы, приютившейся на восточной окраине Москвы» [Там же]. Следующий ход — ставка отправляется в Петербург, который становится уголком Западной Европы, приютившейся на западной окраине Московии. Его тоже строят итальянцы (в основном). И в нем, как в Слободе, прямые широкие улицы.

Символично, что и в Слободе, и в новой столице у него были социально схожие любимые женщины — Анна Монс и Марта Скавронская. Тянуло герра Питера к престононародноблядской Европе. Апофеозом этого влечения стало утверждение на российском троне «походной жены-солдатки» (Ключевский о будущей Екатерине I). Это воцарение, помимо прочего, означало отмену черты оседлости для европейцев (Немецкая слобода). И тут же они «захватили» Россию (не всю, конечно, но значительную ее часть). Типологически это схоже с тем, что произошло через 200 лет с чертой оседлости для евреев. Надеюсь меня не заподозрят в антисемитизме... Бывают странные сближения.

«Грядёт шестнадцатый год»

Эти строчки Маяковского помнятся со школьных лет. Он ошибся всего лишь немного. Оказалось: Семнадцатый. Однако по сути был прав, предчувствие не обмануло его.

Прошло сто лет. И вполне естественно спросить: «А похожа ли нынешняя Россия на ту, вековой давности?». Нет, конечно, нет. Ничего общего. Даже климат изменился. Хотя есть

¹⁴См., например: Глебова 2011: 84–112.

¹⁵Знаете, все более реалистичным представляется сорокинское предчувствие «День опричника». И, кажется, вот-вот оживет стихотворная картинка Б. Слуцкого: «Снова опричник на сытом коне / по мостовой пролетает с метлою. / Вижу лицо его подлое, злое, / нагло подмигивающее мне. / Рядом! Не на чужой стороне — / в милой Москве на дебелом коне / рыжий опричник, а небо в огне: / молча горят небеса надо мною».

что-то неуловимо схожее с одной эпохой. Не событийно, в смысле — *esprit*. Начало 30-х годов XX в. Покончено с НЭПом, с каким-никаким разномыслием в правящей верхушке, взят курс на «построение» в одной отдельной стране, т. е. на самоизоляцию, не отменяющую, правда, практики вмешательства в мировые дела. Режим, сбросив с себя интернационалистский прикид, стремительно национализировался. К власти, оттесняя не вполне этнически русскую ленинскую гвардию, приходили коренные русаки. У них был свой вождь, они явились его прямыми назначенцами. Вдруг вспомнили про отечественную историю, нашли себе корни и основу, написали правильный учебник. Энтузиазм масс, высокий накал квазирелигиозного чувства, своеобразный посюсторонний «монотеизм». Успехи в строительстве военномобилизационной экономики, катастрофическое падение уровня жизни, убийство деревни и крестьянства. Творческая интеллигенция (в значительной своей части) присягает хозяину Кремля. Усиливается террор, постепенно становящийся стилем эпохи. Вождю слегка за 50 и он находится в прекрасной умственной и физической силе...

То есть начало 30-х — это и логическое продолжение и не менее логическое отрицание 20-х. Это рождение и становление «теории» и практики сталинизма. Того, что будет властвовать здесь до самой смерти Хозяина. Или до той самой поры, когда увидят свет нынешние начальники.

Юрий Тынянов говорил, что Пушкин погиб не от пули Дантеса, ему перестало хватать воздуха и он задохнулся. Бывают такие времена, когда действительно воздух куда-то уходит. В начале 30-х задохнулся Пастернак. Помню памятью ребенка начало 50-х. Тоже безвоздушье. Бродский говорил об опыте борьбы с удушьем.

А еще схожесть с эпохами, когда Россия самоопределялась. После Флорентийской унии и падения Константинополя на Москве решили, что они теперь единственные хранители истины аутентичного христианства (уже не «греческого», но своего — русского), единственные, кто противостоит «латине». И сегодня мы защищаем традиционные христианские ценности, от которых отказался Запад. Именно поэтому оппозируем ему. Или, как царь Николай I, видевший свою миссию в поддержании в России и Европе монархических, легалистских и легитимных основ, в противоборстве с безбожной революцией. Мы ведь сегодня тоже готовы помочь европейским борцам с однополыми браками и сторонниками бездуховных релятивистов. И потому протягиваем руку (в том числе и руку помощи) Марин Лё Пен и другим.

Конечно, нынешняя Россия не похожа на Московское царство середины XVII в. Но некоторые ситуации чуть ли не совпадают. Послушаем С.Ф. Платонова: «Из-за Малороссии Россия... втянулась в войну с Польшей. ...Недостаток средств у правительства и плохое экономическое положение народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибегать к экстренным сборам..., но и их не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако видя, что все такие попытки далеко не удовлетворяют желаемой цели, оно попробовало извернуться из затруднительного положения, произвольно увеличивая ценность ходившей монеты. В то время своих золотых у нас еще не было, а в обращении были голландские и немецкие червонцы, причем голландский червонец имел ценность одного рубля, а серебряный ефимок (талер) ходил от 42 до 50 коп., и, перечеканивая его в русскую серебряную монету, правительство из ефимка чеканило 21 алтын и 2 деньги, т. е. около 64 коп., и таким образом на каждом ефимке выгадывало 15–20 коп.» [Платонов 1996: 407].

Ну что ж, и «мы» из-за Малороссии (Украины) начали войну с Западом. Ведь в середине XVII в. Польша была единственным доступным Западом. Это не важно, что нынешняя война носит информационный, экономический, политический характер. Всё война. И сокращение правительственных расходов и взваливание бремени трудностей на население. Да, и в монетарных делах власть действует де-факто тем же методом. Кстати, и сегодня в нашем об-

ращении тон задает не русская валюта. На смену голландским и немецким деньгам пришли евро и доллар. И также начальники пытаются выиграть на установлении искусственных курсов. Тогда в сторону завышения стоимости рубля, сегодня — на понижении. Но суть одна — заработать на монетарных манипуляциях. А не на увеличении производства и проведении адекватной социальной политики.

* * *

Если и дальше пытаться самоопределяться в русской исторической темпоральности, то, несомненно, мы вступаем во «время Карамзина».

Так 25 лет назад я назвал статью — предисловие к публиковавшейся мною в издательстве «Наука» «Записке о древней и новой России». Пытался объяснить, почему для нас так важен и актуален Николай Михайлович. — Но теперь я понимаю: время Карамзина пришло сегодня. Тогда его начали много печатать, в том числе и то, что советскому человеку было совершенно недоступно. Ныне же — 250 лет со дня рождения великого человека и 200 с момента выхода в свет первого тома «Истории государства Российского». Серьезные даты, значительные! Но не это самое важное. На дворе эпоха, созвучная его идеям.

Акме консерватизма: «Требуем более мудрости охранительной, нежели творческой» [Карамзин 1991: 69]; «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости» [Там же: 74]; «для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу» [Там же]. Торжество трезвого реализма в международных отношениях — в 1815 г. он писал Александру I: «Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя, как христианин, благодаря врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом... Она выше земли и мира... Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя; так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов: все осталось как было на земле и как иначе быть не может» [Цит. по: Миллер 1887: 274]. Смысл этого обращения заключался в следующем. Политика, и международная прежде всего, не подпадают под действие высшего нравственного закона. Здесь нет места для христианской морали и господствуют принципы Realpolitik.

И самое главное — мы являемся свидетелями уверенного возвращения в нашу жизнь самодержавной власти, т. е. ничем не ограниченной власти одного. Карамзин полагал это важнейшим (из необходимых) условием успешного бытования России в истории. Самодержавие есть «палладиум России», утверждал он. Сейчас его время.

* * *

...Мы же скажем: сводить русскую историю к некоему вечному, аутентичному самодержавию — и методологическая, и нравственная ошибка. Карамзинская концепция выросла из летописных текстов, в которых прежде всего фиксировались деяния власти. Все же остальное во многом оставалось за их пределами — и, следовательно, за пределами его внимания. Несомненно, на него повлияли и работы немецких специалистов, призванных Екатериной составить русскую историю в самодержавно-романовском духе. Не забудем и то, что Карамзин был поздним современником передряг XVIII в.: дворцовые перевороты, пугачевщина, во всем неустойчивость и непредсказуемость. Ясно, что он хватался за самодержавие как за спасательный круг — никогда не подведет. Хотя этим, разумеется, не исчерпывается вся палитра политических воззрений Николая Михайловича. Она была шире, современнее и, если можно так сказать, качественнее.

Однако и сегодня, в период интенсивного «цезаризма», немногим удастся избежать искушения самодержавством. Это, кстати, проявляется не только в неподдельной любви росси-

ян к президенту, но и в искреннем сталинобесии нашего общества, и во вновь вспыхнувшем интересе к Ивану Грозному (ему уже и памятник ставят) и Петру Великому, в исторической реабилитации Николая I и Александра III. При одновременном, идущем от сердца презрении и ненависти к «оттепельным» фигурам и эпохам.

Свою задачу я вижу не в том, чтобы полемизировать с народной любовью или нелюбовью. Дело это бессмысленное. Сердцу ведь не прикажешь. Нет, мне хотелось бы показать, что в русской истории было и есть много чего несамодержавного, да и само самодержавие (в разных его временных вариантах) — штука сложная, противоречивая, не сводимая к какому-нибудь его идеальному типу.

Мне, конечно, напомнят, что все это хорошо известно. Так-то оно так. Но, думаю, время от времени необходимо говорить об этом. Особенно в эпохи массовидной любви к тому историческому явлению, которое Карамзин назвал «палладиумом России».

А еще я напомню «моим» напоминателям, что представители следующего за Николаем Михайловичем поколения подвергли ревизии его властечетричные воззрения. Никита Муравьев посмел утверждать, что история принадлежит не царям, а народам. Петр Чаадаев в письме своему парижскому корреспонденту графу де Сиркуру сообщал, что у нас в России все — плохое и хорошее — из православия. На десятилетие старше их Сергей Уваров свел карамзинское, муравьевское, чаадаевское в своей известной триаде — «Православие. Самодержавие. Народность». Ну, а потом пришли другие объяснители главного в русской истории — западники (юридическая школа), славянофилы (эдакое православное, соборное «гражданское общество») и т. д.

* * *

В связи с актуальностью карамзинско-самодержавной темы на ум приходит вот что.

У русской исторической науки, в целом великой и убедительной, есть одно, как мне кажется, «слабое» качество. Вся она настроена антибоярски, т. е. антиаристократично. Прошлое прочитывается с разных научных и идейных позиций, создана вполне стереоскопическая «картинка». Но через боярскую «призму» на нее не смотрели. Напротив, роль боярства в отечественной истории всегда трактуется с обвинительным уклоном. Даже такими учеными, как С.Ф. Платонов. А он был очень осторожен, точен, судил взвешенно и спокойно.

«Царь — хороший, бояре — плохие». Это народный приговор на все и во все времена. И любимые наши властители — те, кто рубит этим плохим головы. Ставит на их место опричников, т. е. людей случайных. «Перебрать людишек» — это ведь прежде всего о боярах. Нет ни одной попытки боярства ограничить самодержавие и получить свою долю в управлении, которая в науке и исторической памяти была бы одобрена. Что самобоярщина при маленьком Иване (будущем) Грозном, что боярская активность в период Смуты, что действия верховников в 1730-е, что... Сегодня можно узнать, что сталинский «большой террор» стал защитной реакцией Хозяина на агрессивную атаку на него партийных бояр. Которые-де пытались воспрепятствовать ему ввести демократию в СССР.

А как испугалось окружение Александра I, узнав, что в конституционном проекте М.М. Сперанского предполагалось создание Госсовета, формируемого из представителей крупнейших аристократических родов. Иными словами, Михаил Михайлович хотел завести у нас палату лордов. Мне ни разу не удалось услышать хоть один сочувственный отклик на эту инициативу великого человека.

Пишу это не для того, чтобы вызвать симпатию к русской аристократии. Она, как и все на свете, была разной. Но сегодня, в условиях очередного подъема самодержавства, хочется вспомнить о нашей небольшой слабости. Может все-таки преодолеем ее? И тогда по-друго-

му будем понимать наше прошлое и настоящее. А это уже какая-никакая основа для изменения действительности.

По существу

В наши дни — думаю, не случайно, это соответствует духу времени — все чаще слышны оправдания крепостного порядка на Руси. Крупные ученые и политические деятели «убедительно» доказывают нам «raison d'être» этого института.

Действительно, крепостнически-самодержавное устройство было в известном смысле неизбежно. Это была попытка установления хоть какого-то порядка. Р. Пайпс пишет: до середины XVII в. «на Руси были оседлые правители и бродячее население» [Пайпс 1993: 67]. Народ, утверждал В.О. Ключевский, жидкий элемент русской истории. Растекается по всей громадной равнине. Но это-то хорошо известно и осмыслено. На самом деле важнее другое.

Итак, всех заковали в цепи. Создали тягловые сословия. Сверху наложили вотчинную царскую власть. Это, так сказать, базис. Надстройкой выступили сотериологическо-литургическое государство и иосифлянская церковь. «Коммунизм» в одной отдельно взятой стране (ведь отгородились, казалось, капитально; «железный занавес») вроде бы был построен. И все-таки не получилось. Подвел «человеческий материал». XVII столетие и особенно его середина — это и акме, и закат Московского царства (как конец XIX – начало XX — Петербургского). «Бунташный век» — не мы придумали, но разделяем. Причем в бунташность вписываются и раскол, и городские восстания, и Стенька, и т. д. Это живая жизнь сопротивлялась упорядочиванию сверху. Ну и, разумеется, западные (киевские, белорусские, польские, «немецкие») влияния разлагали верхушку, вербовали ее в европейцев. В общем не вышло — «в одной отдельно взятой стране».

То есть поначалу русский человек сопротивлялся, пытаясь разными путями разбить оковы. По-разински, по-пугачевски, бегом в казаки и т. д. Но прискакал металлический Всадник (Андрей Белый о Петре в «Петербурге») и цепь крепостного права, наброшенную его папой Алексеем Михайловичем на народ (не только крестьян; всех) замкнул замком немецкого производства (этот образ принадлежит Герцену). После жуткого восстания начала 70-х XVIII в. верхи всерьез испугались. В качестве панацеи соорудили передельную общину, куда и ушел практически весь протестный пыл. Или, говоря по-простому, было найдено соответствие развития производительных сил производственным отношениям. И все бы хорошо.

Но вновь подвел «человеческий материал». Верхушка начиталась французских книг, наездила в Европу, гуманизировалась и решила разрушить мир эксплуатации. Еще и Промышленная революция повлияла. В том смысле, что уж слишком опасными оказались последствия ее отсутствия. Как бы там ни было, общине скомандовали: «Вольно». Не совсем, но все же вольнее, чем было раньше.

И что же дальше? Крепостнически-самодержавный порядок вступил в *Untergang*, по Шпенглеру. Точнее сказал Ленин: «...реформа породила революцию». Это означает, что было нарушено соответствие развития производительных сил производственным отношениям.

В этом одно из коренных противоречий, парадоксов, они же — особенности нашего исторического бытования. Как только находится соответствие между означенными феноменами, так начинается передельный застой (см. хрущевско-брежневскую эпоху). Прекрасное время! Но оно чревато, поскольку исподволь разрушает самодержавно-крепостническую или коммунистическую гармонию (а ведь он был настоящий коммунизм: от каждого по труду, каждому — по потребностям; поскольку трудились не очень (как могли), так и по потребностям тоже не очень (или кто как обеспечит их сам); но принцип соблюдался). Дело в том, что

если долго заниматься увлекательнейшим процессом передела, то остановиться уже трудно. Поделить хочется все — по справедливости. Включая сам самодержавно-крепостнический порядок с его особыми необщинными активами.

Так что и сегодняшнее похолодание неизбежно сменится оттепелью. Только вот во что выльется эта самая оттепель? — Хотелось бы понемножку сокращать объем передела. И переходить к социальному творчеству. На основе права и социальной безопасности для всех.

Что же нас ждёт впереди

Но чем разительно отличается нынешний 16-й год от предыдущих эпох, включая столетней давности, так это тем, что впервые Россия не имеет проекта будущего. Как это понять? — Да просто. Еще недавно мы хотели преодолеть наследие «лихих 90-х» и достичь к 2020 г. уровня благосостояния Португалии (один из самых низких в Европе). До этого — в 90-е — покончить с проклятым эсесеризмом и построить правовую либеральную демократию, рыночную экономику. А еще — до того — социализм с человеческим лицом, правовое социалистическое государство и к 2000 г. всем советским семьям отдельную квартиру. Развитой социализм, коммунизм... До Февраля — правовое, либеральное, конституционное социальное общество и государство. В общем все это известно.

Но сегодня никакого проекта, даже заведомо утопического, нет. Мы ищем будущее в нашем прошлом (увы, во многом вымышленном). «Верность традиционным ценностям». Пожалуй, даже соглашусь. Они — хороши. Но как быть с лидерством в Европе по абортам, сокращению населения, самоубийством etc. Конечно, хорошо стоять против ЛГБТ-Европы. И надо обязательно стоять. Но если они все куда-нибудь уйдут, перед кем будем стоять?

Опора только на прошлое, причем, еще раз скажу, нередко вымышленное, в чем-то сродни ресурсно-сырьевой экономике. Не хватает добавленной стоимости, да и рента с нее распределяется в пользу узкого слоя начальников. Инновации необходимы только в добывающе-перекачивающем хозяйстве. Да и в военных делах, поскольку «верность традиционным ценностям» это не только, к примеру, нормативно-христианская семья, но и ратные подвиги предков. Меня спросят: хорошо, у нас нет проекта или он, с твоей точки зрения, неадекватен, а у европейских стран, США таковые имеются? — Развитие, поиск нового, сохранение необходимого старого. Климат, экология, медицина, благосостояние, борьба с бедностью, культура, образование и т. д. — А разве у нас не то же самое? И мы ведь говорим об этом. — Но ничего не делаем. У них же эти проекты, худо-бедно, осуществляются. Ведь проект — это то, что пытаются реализовать.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Как убийственно точны эти слова. Вот вам новая «сказка». 12 февраля 2016 г. состоялась историческая встреча Папы Римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла. Действительно, историческая, «ждали» ее тысячу лет, важная, нужная, в острый момент социальных передраг на планете. Но во всей этой радости есть одно почти незаметное обстоятельство: некоторое, совсем небольшое несоответствие. Какое же? — Говорится, что папа и патриарх не виделись тысячу лет. Это так. Только патриарх был не Московский, а Константинопольский. Это он порвал отношения с тогдашним папой. Маленькая-маленькая неточность. Однако с большим смыслом. Получается, что Московский патриарх отвечает за всех православных, живущих сегодня и живших на протяжении десяти столетий. Но мы знаем, что в мире существуют четырнадцать автокефальных (независимых) православных церквей. И по каноническому праву Московский патриарх стоит на пятом месте. Константинопольский — на первом. Понятно, что русская церковь сего-

дня и по количеству ее членов, и по мощи воздействия превосходит остальные, вместе взятые. Фактически «мы» заняли место Константинополя.

Однако не упомянув это незначительное несоответствие, руководство РПЦ исторически и политически (канонически не получится, но кого это волнует сегодня) присвоило себе право первенства в православном мире и право говорить от лица всех православных. В некотором смысле Кирилл становится папой ортодоксальной ойкумены. — Понимаю: эти мои соображения могут вызвать раздражение (извиняюсь за «рифму»). Ему бы вместе со всеми радоваться и гордиться, а он брюзжит. Я радуюсь... А небольшая историческая неточность остается.

В том числе и так верстается наш ретроспективный проект. Чуть подправленное прошлое укрепляет русские позиции в мире.

Что же касается новоявленных идеологов Святой Руси и современной России как единственной хранительницы традиционных христианских ценностей («Третий Рим?»), по совместительству — похоронщиков Запада, трубадуров очередного заката Европы, то они вызывают у меня сомнение. Из их уст льется брань, очевидная неправда, злобная агрессия. Возникает вопрос: а сами-то они привержены тем ценностям, о которых вещают, верят в них? — На ум приходит характеристика, данная великим русским историком С.М. Соловьевым знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность» и ее автору — С.С. Уварову. О православии говорит атеист, о самодержавии — республиканец, о народности — человек, не прочитавший ни одной книжки по-русски. Немного ядовито, с иронией, но в точку.

...Однако видения будущего все-таки нет. Почему? — Население единственной защитницы традиционных ценностей ни во что не верит, ни в какие обещания. Оно, конечно, поддерживает все, что идет с самого верха. Но примерно в том же смысле, как поддерживают приход зимы или лета. В независимости от того, что они несут. Лютый холод и свирепую жару или умеренные погоды. А с чем спорить — принимаем. Помните: иного не дано. Это название самого известного сборника статей времен перестройки, самого официально-публичного «антисоветчика» (сегодня многие его авторы — видные спикеры поднявшейся с колен страны). — Действительно, оказалось: «иного» не дано. Жаль, хотелось!

Уроки Февраля

Теперь же главное, что я хотел сказать о 16-м годе прошлого и нынешнего столетия. Это о Феврале 17-го.

Пора уже начать писать книгу с таким названием. Помните: «Уроки Октября» Льва Троцкого? — Вдруг Февральская революция оказалась в центре внимания. Да, скоро столетие, но уже лет десять идет спор об этом событии (а ведь довольно долго эта революция была в тени Октября). Нет, наверное, не спор — ведь большинство согласно в главном, так что, скорее, обсуждение.

Современники практически солидарны в том, что это — ошибка, преступление, самоубийство, предательство и т. п. Война худо-бедно шла к концу, при всех опасениях и усталости победа была не за горами. А здесь нож в спину стране. Развязываются страшные стихии, верх берут разлад и распад, деструкция и безответственность. Как на дрожжах растут сепаратистские настроения.

Увы, все это правда. Хотя очень горько это признавать. — Но что же произошло? — Для серьезного ответа необходимо...

...Поговорить об истоках и смыслах революции. Именно это я сделал в первом выпуске «Трудов по россиеведению» [Пивоваров 2009: 21–67], что освобождает нас от подробного анализа сейчас. Воспроизведем лишь некоторые основные идеи.

Русская Революция — это не 1917 г. с его двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Это и не 1905–1907 гг. плюс 1917 г. То есть это не совокупность даже трех революций, хотя все они — важнейшие ее события. Русская Революция — это историческая эпоха примерно между 1860-ми и 1930-ми годами. Это — 70 лет, жизнь человека, жизнь поколения. Она началась реформами Александра II и закончилась победой Сталина и сталинцев во внутрипартийной борьбе, сворачиванием НЭПа и коллективизацией. Русская Революция — это период русской истории между отменой Крепостного Порядка и установлением Второго Крепостного Порядка большевиков (ВКП(б)).

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута (какой ценой — и этот вопрос принципиальный — скажем позже). После победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства. Говоря красиво, 17-й был пиком — русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.

Одно из больших исторических заблуждений (как современников, так и нас, потомков) заключается в том, что революция 1905–1907 гг. квалифицируется как «неудачная», «незаконченная»; рассматривается как «репетиция», «прелюдия» к 1917 г., т. е. настоящей революции. — С моей же точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной; ведь это всегда трагедия). Во-вторых, нормальной, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, скажем — 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам.

Главная удача революции 1905–1907 гг. заключалась в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом компромисса стали Конституция 23 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны.

* * *

Что касается Февральской революции, то она могла быть и могла не быть. В отличие от революции 1905–1907 гг., эта не была исторически «запрограммирована». Более того, даже состоявшись, имела возможности развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции.

Почему же произошла Февральская революция? — Ставя этот вопрос, мы имеем в виду не влияние войны (а оно было; и было одной из причин революции), неэффективные, а порой безответственные действия властей (включая Николая II), не «заговор» военных, не недальновидность и (тоже) безответственность «общественников», не стечение обстоятельств (снежная зима, затруднения в подвозе к Петрограду хлеба, очень холодная погода с внезапным к концу февраля — началу марта потеплением, когда жители города, «засидевшись» дома, высыпали на улицу и т. д.) и т. д. Это все причины важные, но, так сказать, важностью второй очереди.

По большому счету, Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция **уже** (в 1905–1907 гг.) **была**. И максимум того, что общество могло тогда «переварить», оно получило. И максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она установила. Таким образом, всем следовало оставаться в этих рамках, рамках исторического компромисса власти и общества и в рамках Конституции, не выходить за них, искать там соглашения и решения вопросов. Может быть, после войны эти рамки и расширились бы. Виновны обе стороны: царь и бюрократия (не вся, конечно) стремились к сужению этих рамок, общество старалось их раздвинуть. И те и другие хотели выйти из этого исторического «договора».

Зимой 1917 г. общественникам померещилось: час настал. Власть **можно** взять в свои руки. За годы войны их влияние, практическая сноровка и самооценка резко выросли. Власть же напротив, казалось, не знала, **что** делать. Суетилась, куда-то пропали адекватные люди. — Все получилось очень легко. Дунул теплый мартовский ветер, и императорскую Россию снесло. Сто лет отчаянной, смертной борьбы с царским режимом, а финал схватки — почти оперетта.

* * *

Но вот уже почти 90 лет историки задаются вопросом: куда «слиняло» общество летом-осенью (особенно осенью) 1917 г.? — А ведь оно имело за плечами весьма приличный политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов, партий и т. д., деньги, наконец. Почему же их противостояние тенденциям, которые вели к Октябрю, оказалось крайне неэффективным?

Ответ на этот вопрос связан с ответом на главный вопрос русской революции: что такое Октябрь 1917 г.? — Его мы не поймем, если не скажем еще об одной Революции, которая развивалась параллельно и синхронно Русской Революции, и тоже в России. Это была Революция крестьянства, т. е. Революция более 100 млн человек, подавляющего большинства населения страны.

Следовательно, для того чтобы уяснить, что происходило в России между примерно 1860-ми и 1930-ми годами, надо исходить из факта двух одновременных, «пересекающихся», «диффузирующих» друг в друга, однако самостоятельных революций. Каждая из них имела свое собственное содержание и смысл, характер и цели (если позволительно говорить о целях исторического процесса).

Но почему две революции? — Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры в результате преобразований Петра I. Возникли две России — не понимающие друг друга, разнящиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они зажили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в рабстве. — Здесь необходимо подчеркнуть: будущие фигуранты Русской Революции — власть и общество — принадлежали к одной субкультуре — верхней, европеизированной, созданной Петром Великим.

Этот раскол России во многих отношениях определял ее историческое развитие в XVIII–XIX столетиях.

Таким образом, каждая из двух субкультур переживала свою собственную революцию. Но этого тогда никто не знал и не понимал...

* * *

Теперь о крестьянской революции. У нее было несколько измерений. Одно из них — знаменитый «аграрный кризис». Его диспозиция такова: демографический взрыв второй половины XIX – начала XX в. привел к перенаселению в деревне¹⁶; к этому времени были распаханы все доступные тогда целинные земли, экстенсивный же характер земледелия сохранялся; в общине началось имущественное расслоение на богатых, средних и бедных. Ситуация потенциально становилась взрывоопасной.

Сначала ведомое С.Ю. Витте «Особое совещание по сельскохозяйственным нуждам» (1902–1905) пыталось теоретически разобраться с этой проблемой, затем П.А. Столыпин и

¹⁶ Попутно заметим: между 1880 и 1910 гг. демографический взрыв пережили большинство крупных стран Европы (за исключением Франции) — Австро-Венгрия — 30 % (прибавка населения), Великобритания — 26, Германия — 43, Россия — 50 %. Это одна из причин Первой мировой войны и всех последующих европейских революций.

его последователи (1907–1914) решить ее — известным способом — практически. Однако спровоцированная Февралем *общинная революция* покончила со столыпинской реформой, почти полностью пожрав ее результаты. — А 28 июня 1917 г. Временное правительство (инициатива министра-эсера Виктора Чернова) принимает решение, запрещавшее столыпинское разверствование земли и фактически частную собственность на землю.

Иными словами, общественники сдают перед разворачивающейся крестьянской революцией. И дело здесь не в том, что в их рядах возобладала эсеровская линия, а линия Витте — Столыпина — кадетов оборвалась. Эсеровщина и стала последним словом общественников — говоря выпендренно — на суде истории, потому что столыпинщина обломала зубы о хребет передельной общины.

Так где же корни крестьянской русской революции? — К концу XVIII столетия — ходом событий, властью, помещиками (во многом как реакция на пугачевщину) — была создана передельная община. Ввели «тягло» — справедливую, равную систему распределения платежей и рабочей (трудовой) повинности. Цель была одна: поддержание равенства — нет бедных, нет богатых, нет пугачевых, нет бунта. А в основе всего — перманентное перераспределение, передел земли и уравнивание всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков канализируется вовнутрь. Купируется возможность социального взрыва, выброса излишка энергии. Но перманентно-передельный тип социальности (уточним: передельная община рождается не только и, может быть, не столько в результате определенных действий определенных людей) — во многом следствие многовековой адаптации населения к природной русской бедности, к «запрограммированной» в этих северных широтах скудости вещественной субстанции. Что, кстати, «предполагает» низкий уровень потребления.

Самодержавно-помещичья социальная гармония закончилась, когда разразился «аграрный кризис». Экстенсивно-передельный инстинкт Всероссийской общины выразился во все возрастающем стремлении к захвату помещичьих, государственных и прочих земель. Столыпинская земельная реформа вроде бы указала нормальный (в смысле: не кровавый) путь выхода из этой крайне опасной для всех ситуации. Действительно, ее успехов, особенно если принять во внимание, что на все про все история «выделила» лишь семь лет, недооценивать нельзя. — Однако пришел 1917 год, и в результате известных причин вновь поднялся уравнительно-передельно-захватный общинный вал.

Вот здесь-то большевики и оказались у кассы истории.

* * *

В 1917 г. «столкнулись» две Революции. Столкнулись, как поезда. И, подобно железнодорожной катастрофе, произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли со своих путей.

К весне-лету 1917 г. Революция европеизированной субкультуры достигла всех своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, «подумать» и начать строить. Но именно в этот момент в нее врзалась Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры. Ее мощь лишь начинала разворачиваться. Большевики сумели сыграть на этом столкновении: на «временном» угасании одной Революции и подъеме другой. Развал государства и армии дал еще одну волну мощного разрушительного свойства.

Ода Февралю

Ну, хорошо, все это так. Февраль — трагическое событие нашей истории. Стыдное. Посыпим голову пеплом. — Почему же тогда огромное количество выдающихся и самых

простых людей Империи были рады, да что там рады — счастливы. Их охватило какое-то пасхальное настроение (с Пасхой сравнивали первые дни после отречения Николая II многие современники и мемуаристы). Что-то подобное Питер пережил ровно за 116 лет до этого. После убийства Павла I (11 марта 1801 г.), как свидетельствует тот же Карамзин, «все» погрузились в лихорадку счастья, восторга, парящей легкости. В чем же здесь дело? В обоих случаях массовый психоз? И что за взрыв безответственного веселья?

Как всегда, нам поможет объяснить это великая русская литература — в лице Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Борис Леонидович в своем несравненном «Весеннем дожде» (обратите внимание на название) пишет (не поленимся прочитать это): «Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил / Лак экипажей, деревьев трепет. / Под луною навывкате гуськом скрипачи / Пробираются к театру. Граждане, в цепи! / — Лужи на камне. Как полное слез / Горло — глубокие розы, в жгучих, / Влажных алмазах. Мокрый нахлест / Счастья — на них, на ресницах, на тучах. / — Впервые луна эти цепи и трепет / Платьев и власть восхищенных уст / Гипсовую эпопею лепит, / Лепит никем не лепленный бюст. / — В чьем это сердце вся кровь его быстро / Хлынула к славе, схлынув со щек? / Вон она бьется: руки министра / Рты и аорты сжали в пучок. / — Это не ночь, не дождь и не хором / Рвущееся: «Керенский, ура!», / Это слепящий выход на форум / Из катакомб, безысходных вчера. / — Это не розы, не рты, не ропот / Толп, это здесь, пред театром — прибой / Заколебавшейся ночи Европы, / Гордой на наших асфальтах собой».

В характерной для молодого Пастернака поэтике история, современность, политика объясняются через природные явления — весна, дождь, черемуха, деревья, лужи, розы, тучи и т. д. Весна — пробуждение, начало жизни, счастье, свежесть, восторг («полное слез горло»). И всему этому соответствует Керенский, более того, является подобием и олицетворением. Он аккумулирует энергию этого весеннего восторга и изливает ее на послушные ему толпы. Это он выводит к свету и радости, творчеству и свободному созиданию миллионы томившихся в «катакомбах, безысходных вчера». Более того, Пастернак включает русскую революцию в европейский (значит, мировой) контекст. Да еще как! Она и ее персонификатор выступают чуть ли ни спасителями Европы (читай: мировой культуры и благоустройства), которая как-то заколебалась (война, бойня, смерть), но вновь обрела гордость «на наших асфальтах».

Суммирую: Февраль и первые за ним месяцы – это великий финал (увы, не начало, как думалось многими тогда) многодесятилетней (от декабристов) эмансипационной деятельности («жизни и судьбы») нашей интеллигенции, общественников, тех, кто мечтал и боролся за свободную, современную, справедливую Россию. Поэтому есть два возможных подхода к Февралю. Это дебют, приведший к кровавому Октябрю и Гражданской. Или эндшпиль длительного периода постепенного обретения свободы. В реальной жизни было и то и то. Но нельзя игнорировать и эту «весеннюю» сторону событий весны Семнадцатого.

В скобках заметим: соотношение Февраль–Октябрь еще до захвата власти большевиками провидчески, точно понял безыллюзорный И.Э. Бабель. Рассказ «Линия и цвет», июнь 1917 г., митинг. «Александр Федорович произнес речь о России — матери и жене. Толпа удушила его овчинами своих страстей... Но вслед за ним на трибуну взошел Троцкий, скривил губы и сказал голосом, не оставляющим никакой надежды:

– Товарищи и братья...»

И еще одно соображение. В последнее время все мы (ну, почти все) печалимся о той прекрасной и много обещавшей дореволюционной России. Правильно делаем: это была (по моей терминологии) приемлемая страна, шедшая в нужном направлении. Параллельно мы отвергаем всякие (все) революции. К тому же, как это недавно выяснилось, — они «цветные», да еще и криминальные (кстати, на языке уголовников «цветной» означает «поли-

цейский»; и это интересный поворот в определении любой революции, которые, повторю, все цветные; для точности: речь идет о своей полиции, а не о чужеземной). От революции же у современных идеологов рукой подать до оппозиции, которая не просто имеет свою точку зрения и стремится поправить дела в обществе, нет, она на 99 % — «пятая колонна», «враг народа», «иностранный резидент».

Но вот в предреволюционные годы большинство интеллигенции и общественников самоопределялось иначе. Себя и свою родословную они идентифицировали именно с протестным, антирежимным движением. Подчеркиваю: речь идет не только о «бомбистах», но о широком круге просвещенных и обеспеченных людей. — Вновь обратимся к Б. Пастернаку, к его поэтическому свидетельству. Надо сказать, что, несмотря на то, что он родился в еврейской семье, его родители, братья, сестры были в полной мере вписаны в социальный порядок и культурный истеблишмент. Они не относились к разряду изгоев, париев, аутсайдеров. Это типичное самопонимание умеренного и далекого от политики человека.

Поэма «Девятьсот пятый год», глава «Отцы»: «Это народовольцы, / Перовская, / Первое марта¹⁷, / Нигилисты в поддевках, / Застенки, / Студенты в пенсне. / Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне / — Да и ближе нельзя: / Двадцатипятилетье — в подпольи. / Клад в земле, / На земле — / Обездушенный калейдоскоп. / Чтобы клад откопать, / Мы глаза / Напрягаем до боли. / Покоряясь его воле, / Спускаемся сами в подкоп. / — Тут бывал Достоевский, / Затворницы ж эти, / Не чаяв, / Что у них, / Что ни обыск, / То вывоз реликвий в музей, / Шли на казнь / И на то, / Чтоб красу их подпольщик Нечаев, / Скрыл в земле, / Утаил / От времен и врагов и друзей. / — Это было вчера. / И, родись мы лет на тридцать раньше, / Подойди со двора, / В керосиновой мгле фонарей, / Средь мерцанья реторт / Мы нашли бы, / Что те лаборантши — / Наши матери / Или / Приятельницы матерей».

Для людей этого типа (культурный, политический, экономический авангард России) Февраль показался и был в первые недели (даже месяцы) моментом долгожданного освобождения и реализации почти вековой мечты. Да ведь и бомбисты хватались за бомбу не только потому, что были прирожденными злодеями и ничего другого делать не умели. Вспомним выступление на суде Александра Ильича Ульянова. Он сказал, что власть не дает интеллигенции обратиться к народу и участвовать в формировании общественной жизни. И поэтому они вынуждены привлечь к себе внимание *таким* образом. — Не соглашаюсь с этим, но свои резоны, своя правда у старшего Ульянова была.

Теперь — Мандельштам. Если Борис Леонидович приветствовал Февраль и Керенского весной 17-го, так сказать, «на входе», то Осип Эмильевич — оплакивал в ноябре, «на выходе». Этим двум прямо противоположным ситуациям полностью соответствуют их разнящиеся поэтики. У Пастернака — экстатически-восторженная, задыхающаяся, совершенно неожиданная в сближениях, определениях, переходах, не всегда сразу доступная, как будто путающаяся, не замечающая обыденности, рвущаяся к каким-то новым смыслам и пространствам (аналог ей новая физика начала XX в. и особенно квантовая физика). У Мандельштама — неоклассическая, акмеистская, выверенная, точная до дрожи, формально безупречная, но решающий шаг за пределы видимого, осязаемого, наличного мира сделан. Обретен совершенно новый голос в русско-мировой поэзии: печально-погребаящий, спиритуально-торжественный. Не вызывающий сомнения, что он имеет на *это* высшее право (при всех глубочайших различиях это же можно сказать об Анне Ахматовой).

Ноябрь 1917 г., Февраль сметен, Керенский выброшен из актуальной русской истории. Раздается реквием, Мандельштам прощается от имени России («и неподкупный голос мой

¹⁷Первое марта 1881 г. — убийство Александра II.

был эхом русского народа): «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы, / И ошетинился убийца-броневик / И пулеметчик низколобий, — / — Керенского распять! — потребовал солдат, / И злая чернь рукоплескала: / Нам сердце на штыки позволил взять Пилат, / И сердце биться перестало! — И укоризненно мелькает эта тень, / Где зданий красная подкова; / Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: / Вязать его, щенка Петрова! — Среди гражданских бурь и яростных личин; / Тончайшим гневом пламенея, / Ты шел бестрепетно, свободный гражданин, / Куда вела тебя Психея. / — И если для других восторженный народ / Венки свивает золотые — / Благословить тебя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия».

Казалось бы, — голос Ахматовой: «...все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано», — но Мандельштам даже в сравнении с Пастернаком поднимает наше понимание Керенского, следовательно, и Февраля на новый уровень. Это лучший во всех смыслах памятник Событию и центральному человеку. Это по природе своей неревизируемое понимание Эмансипационной революции и ее вождей. Это наперед, на вырост, на столетие единственное определение соотношения Февраль — Октябрь. Даже А.И. Солженицыну, потомку и продолжателю Аввакума, Достоевского и Толстого, не удалось его «снять».

Распять, Пилат, злая чернь, октябрьский временщик, щенок Петров, свободный гражданин, благословляющая его в аду Россия. Да, в аду — это ответственность за поражение (но ведь и Христос в известном смысле тоже потерпел поражение...). Михаилу Булгакову потребовалось около десяти лет, чтобы написать по большому счету об этом же многостраничный гениальный роман, Осипу Мандельштаму — двадцать строк.

Помните реакцию М.И. Кутузова на непреодолимые трудности французов в захваченной ими Москве — «Россия спасена». Имея два этих (Бориса Леонидовича и Осипа Эмильевича) свидетельства, можно с уверенностью утверждать: Февраль, Керенский, князь Львов, другие спасены, оправданы, защищены, направлены в вечное хранение золотого фонда русской истории.

Пишу через 99 лет после События, знаю, что было потом, вместе с другими поучительно говорю об ошибках, безответственности, непонимании и т. п. всех этих царей, генералов, министров, общественников и т. д., но почему-то в голову лезет не имеющее отношение к этому (просто по другому поводу): «Февраль. Достать чернил, и плакать / Писать о феврале навзрыд...».

Навзрыд...

Февраль и его деятели проиграли все на свете (и себя тоже, про нас и говорить нечего). Спустя 99 лет его (и их) идеалы и ценности являются для русского общества путеводной звездой.

Как закончится нынешний 16-й? Станет ли он началом чего-то? Или продолжением? Заключением?

«Главное — не теряйте отчаяния»¹⁸

В начале этой работы я написал, что не знаю, куда движется Россия. Действительно, не знаю. И тут же поймал себя на мысли: а что раньше понимал, куда? Наверное, тоже нет. Однако сейчас это в какой-то очень острой форме и сопровождается болезненной тревогой.

Тогда вспоминается: обсуждаются не обстоятельства, но мы в этих обстоятельствах. Как мы должны вести себя. Вновь на помощь приходит Адам Михник: «Когда я смотрю на

¹⁸ Слова Анны Ахматовой.

сегодняшнюю Польшу, я чувствую себя немножко крестьянином после грозы, крестьянином, у которого волей судьбы уничтожило и урожай, и скот. Но что делает крестьянин, когда видит все это? Адам Мицкевич говорил, что в такой ситуации крестьянин сеет заново» [Михник 2011: 298]. Это очень сильная метафора. В России не только суровые природно-климатические условия, требующие огромного постоянного напряжения для выживания и развития. У нас и политико-культурная, социальная почва и «погода» предполагают интенсивную и последовательную работу. В противном случае рассчитывать на урожай не стоит.

Еще одной важной причиной не опускать руки является то, что, если остатки общества (не перемолотые властью, не покинувшие отечества, не ушедшие во внутреннюю эмиграцию) не будут — даже в, казалось бы, безнадежных ситуациях — открыто и громко говорить о происходящем, защищать гонимых и предлагать иные пути движения, может произойти нечто, о чем полстолетия назад предупреждал Александр Исаевич Солженицын. «Пока не будет в стране независимого общественного мнения — нет никакой гарантии, что все многомиллионное беспричинное уничтожение не повторится вновь, что оно не начнется любой ночью, каждой ночью — вот этой самой ночью, первой за сегодняшним днем» [Солженицын 1991: 67]. — Этот человек знал, о чем идет речь. Он сам в 60-е стал общественным мнением. Нам бы сейчас не растеряться, а то — «вот этой самой ночью».

Мы потерпели историческое поражение. Результатом двадцатипятилетнего транзита стала непредсказуемо опасная ситуация, потенциально чреватая новым изданием режима 30–50-х годов прошлого века (разумеется, в совершенно отличных одеждах, с сохранением сути — неограниченное насилие). Но с горечью утверждая это, одновременно помню слова М.Я. Гефтера об А.Д. Сахарове: «Он не был из породы победителей. Все его человеческое существо тяготело не к победе, а к истине. А истина чаще всего — в стане побежденных. Поражения преследовали Андрея Дмитриевича до последних дней жизни. Но чем были бы мы, мы все, если бы не эти поражения?» [Цит. по: Кожокин 1989: 155]. Действительно, крестный путь Андрея Дмитриевича, особенно на фоне современной РПЦ, это — самоотверженное взыскание истины. Сахаров своею жизнью дал нам пример: **как должно** быть человеком. Как «поражения» преображают мир и утверждают достоинство личности. И вообще, прав Юлий Маркович Даниэль: «Когда вверх тормашками катится и бьется в падучей судьба, не надо бояться и каяться, страшиться тюрьмы и суда».

Примем всерьез и напутствие человека, прошедшего и тюрьмы, и преследования, и поражения. «Принимая участие в антитоталитарном содружестве, береги свою бездомность; сохраняя верность национальным корням, следи за тем, чтобы „не пустить корни“; вноси в мир расшатанных моральных норм ясную простоту евангельских наказов („да-да; нет-нет“), а зеркально гладкий мир официально кодифицированных ценностей насыщай смехом шута и сомнением вольнодумца. Потому что назначением твоим является не празднование политических побед, не заискивание перед собственным народом. Ты должен сохранить верность проигрышным делам, говорить неприятные вещи, будить протест. Ты должен собирать оплеухи и от своих, и от чужих, потому что только так ты получишь добро, которого не получишь» [Михник 2011: 60].

Эти слова не абсурдны и не кокетливы, как кому-то может показаться с первого взгляда. Они, повторим, оплачены жизнью и судьбой. Они проверены на практике. И мне бы хотелось иметь право цитировать строки одного из любимых его поэтов¹⁹:

«Ты выжил не затем чтоб жить
но чтобы свидетельствовать пока есть время

¹⁹ Збигнев Херберт (1924–1998). «Послание Господина Когито».

будь храбр когда подводит разум будь отважен
в конце-концов лишь это что-то значит

а гнев бессильный твой пусть будет словно море
всегда когда ты слышишь униженных и битых».

Если мы согласимся на меньшее, то у нас не будет шансов. И тогда оправдаются слова эпитафии к этой работе.

Кстати, и своим названием она обязана Адаму Михнику. У него есть эссе «Зарисовки из польского ада».

Амальрик А. 2005. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года. — *Онтология самиздата*. — М.: ИГПИ. — Т. 2. — С. 381–394.

Арон Р. 2002. *Мемуары: 50 лет размышлений о политике*. — М.: Ладомир.

Британский план... 2015. Британский план укрощения России. — *Стратегия Россия*. — М. — № 7.

Геллнер Э. 1995. Условия свободы. — *Вестник Московской школы политических исследований*. — М. — № 1.

Глебова И.И. 2011. Особенности эволюции государства в России: «Дворец». — *Россия и современный мир*. — М. — № 1 (70). — С. 84–112.

Зубов А.Б. 1992. Советский Союз: Из империи — в ничто? — *Полис. Политические исследования*. — М. — № 1. — С. 56–74.

Карамзин Н.М. 1991. *Записка о древней и новой России*. — М.: Наука.

Ключевский В.О. 1993. *Русская история: Полный курс лекций: в 3-х т.* — М.: Мысль. — Т. 3.

Кожокин Е.М. 1989. Последний утопист? (Памяти М.Я. Гефтера). — *Полис. Политические исследования*. — М. — № 4.

Конституция общенародного государства... 1978. *Конституция общенародного государства*. — М.: Политиздат.

Мамардашвили М.К. 1996. *Необходимость себя*. — М.: Лабиринт.

Миллер О.Ф. 1887. *Славянство и Европа*. — СПб.: Тип. Благовосветлова.

Михник А. 2011. *Антисоветский русофил*. — М.; Вроцлав: Летний сад.

Нагибин Ю.М. 1996. *Дневник*. — М.: Независимое издательство ПИК.

Никонов В. 2015. Россия в современном мире. — *Стратегия Россия*. — М. — № 7.

Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. — М.: Независимая газета.

Пивоваров Ю.С. 2009. О русских революциях: Послесловие. — *Труды по россиеведению: Сб. науч. тр./ РАН, ИНИОН*. — М. — Вып. 1. — С. 21–67.

Платонов С.Ф. 1996. *Полный курс лекций по русской истории*. — Петрозаводск: Фолиум.

Солженицын А.И. 1991. Архипелаг ГУЛаг. — Солженицын А.И. *Малое собрание сочинений*. — М.: ИНИКОМ ИВ. — Т. 7.

Хиль-Роблес А. 1995. Испанский опыт перехода к демократии. — *Вестник Московской школы политических исследований*. — М. — № 1.

Schmitt C. 1991. *Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951*. — Berlin: Duncker a. Humblot.